

Э. Тозер

Величие
Бога

Мирт
Санкт-Петербург
Издательство «Мирт»
1999

ББК 86.37
То 50

Перевод с английского
А. W. Tozer
«The Knowledge of the Holy»

Э. У. Тозер
То 50 **Величие Бога/**
Пер. с англ. 2-е изд. - СПб.: «Мирт», 1999. - 160 с.

ISBN: 5-88869-059-7

В этой книге доктор Тозер помогает нам лучше понять Бога и
вновь открыть для себя Его величие, чтобы это оказало глубокое
влияние на нашу повседневную жизнь.

ББК 86.37

© Русское издание: издательство «Мирт», 1996

От автора

Истинная религия сопоставляет землю с небесами и возвышает вечность над временем. Тот, кто несет весть о Христе, хотя и говорит словами, исходящими от Бога, должен также, по выражению, принятому когда-то у квакеров, «говорить с учетом уровня» своих слушателей; иначе он будет говорить на языке, который известен только ему самому. Его слова должны быть обращены не только к вечности, но и к своему времени. Он должен говорить своему поколению.

Хотя проблема, поднятая в этой книге, возникла не сегодня, она присуща именно нашему времени. С некоторых пор большинство религиозных людей утратили понятие о величии Господа. Церковь оставила свое некогда возвышенное представление о Боге и заменила его представлением низким и постыдным, которое совершенно недостойно мыслящих и поклоняющихся Господу людей. Церковь сделала это не по злему умыслу, но постепенно, шаг за шагом, сама того не понимая. И оттого что Церковь сама этого не понимает, ее положение становится еще более трагическим.

Ограниченное суждение о Боге, характерное для христиан почти повсюду, — причина многих зол, незаметных на первый взгляд. Вся новая философия христианской жизни — результат этой принципиальной ошибки в наших суждениях о Боге.

Когда мы потеряли ощущение величия Господа, мы лишились и религиозного благоговения, и ощущения Божественного присутствия. Наше поклонение Богу перестало быть одухотворенным, и мы утратили способность внутренне сосредоточиваться для того, чтобы встретить Бога в молитвенном молчании. Современное христианство просто не способствует появлению таких христиан, которые могли бы оценить и почувствовать на себе жизнь в Духе. Слова «Остановитесь и познайте, что Я — Бог» (Пс. 45:11) почти ничего не значат для самоуверенного, погрязшего в суете верующего, который живет в XX веке.

Представление о величии Господа было утрачено как раз в то время, когда религии удалось многого достичь, а церкви стали более процветающими, чем когда-либо на протяжении последних нескольких столетий. Но тревожит то, что наши достижения являются в основном внешними, а наши потери — полностью внутренними; и поскольку именно внутренние условия оказывают влияние на *качество* нашей веры, то, может быть, и достижения наши — это не более чем наши потери, распространяющиеся все дальше и дальше.

Единственный способ возместить наши духовные потери — это понять причину создавшегося положения и исправить допущенные ошибки, восстановив истину. Наши несчастья происходят оттого, что мы утратили представление о святости. Чтобы найти исцеление, нам нужно будет пройти долгий путь, во время которого мы будем вновь открывать для себя величие Бога. Наша нравственность не может не деформироваться и наши взгляды не могут не исказиться, пока наше представление о Боге ошибочно и не соответствует действительности. Если мы хотим вернуть в нашу жизнь духовную силу, мы должны стремиться к тому, чтобы образ Бога, созданный нашим воображением, был как можно больше похож на того Бога, Который существует на самом деле.

Это благоговейное исследование, цель которого — изучение свойств Бога, я предлагаю вам в качестве моего скромного вклада в совершенствование понимания величия Небес. Если бы сегодня христиане читали такие книги, как труды Августина или Ансельма, то такую книгу, как эта, просто незачем было бы писать. Но современные христиане знают только имена этих выдающихся людей. С сознанием

своего долга издатели переиздают их книги, и через некоторое время эти книги появляются на полках в наших кабинетах. Но в том-то вся и беда: они остаются на полках. Нынешнее состояние религиозных умов делает фактически невозможным чтение этих книг даже для образованных христиан.

Ясно, что мало найдется таких христиан, которые смогли бы преодолеть сотни страниц трудных для понимания религиозных трактатов, чтение которых требует сосредоточенности. Слишком многим людям такие книги напоминают произведения светских классиков, которые приходилось читать в школе и от которых потом эти люди отворачивались с чувством разочарования.

Поэтому такая книга, может быть, и будет полезна. Поскольку эта книга написана не только для избранных, не только для тех, кто обладает какими-то особыми знаниями технического или иного характера, и поскольку она написана языком прославления Господа без претензий на элегантный литературный стиль, может быть, найдутся люди, которые захотят прочитать ее. Хотя я полагаю, что в этой книге не будет ничего такого, чего нельзя было бы найти в христианском богословии, я пишу не для профессиональных теологов, а для простых людей, чьи сердца зовут их на поиски Бога.

Я надеюсь, что эта небольшая книга сможет в какой-то степени поспособствовать развитию в наших сердцах глубоко личной веры в Бога. А если несколько человек, прочитав эту книгу, начнут с благоговением размышлять о сущности Бога, это более чем окупит все труды, затраченные на ее написание.

Почему мы должны правильно думать о Боге

О Господь, Всемогущий Бог, не Бог философов и мудрецов, но Бог пророков и апостолов, а еще лучше: Бог-Отец нашего Господа Иисуса Христа, могу ли я выразить Твою сущность, не исказив при этом Твой образ?

Может быть, те, кто не знает Тебя, поклоняются не Тебе, а созданию своей собственной фантазии; так просвети же наши умы, чтобы мы могли знать Тебя таким, какой Ты есть, чтобы мы могли любить Тебя совершенно любовью и воздавать Тебе достойную хвалу. Во имя Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Наше представление о Боге наиболее полно характеризует нас самих.

Всемирная история показывает, что ни один народ никогда не поднялся выше своей религии, а духовная история человечества свидетельствует, что не было ни одной религии, величие которой превышало бы величие проповедуемой ею идеи Бога. Поклонение Богу может быть чистым и непорочным или же, наоборот, приземленным, в зависимости оттого, какими являются мысли верующего человека о Боге: возвышенными или приземленными.

Поэтому самое важное для Церкви — это всегда Бог, а самое замечательное в человеке — это не его слова и не его дела, а его представление о Боге. Тайный закон нашей души влечет нас к тому образу Бога, который создан в наших мыслях. Это касается не только каждого конкретного христианина в отдельности, но и группы христиан, составляющих Церковь. Наиболее полно можно судить о Церкви по ее представлению о Боге. Точно так же в Церкви наиболее важно то, что она говорит о Боге, или то, что она предпочитает о Боге не говорить, так как ее молчание часто оказывается более красноречивым, чем ее речь. Церковь не может скрыть своего отношения к Богу.

Если бы человек смог достаточно полно ответить, что приходит ему на ум, когда он думает о Боге, то можно было бы с уверенностью предсказать духовное будущее этого человека. Если бы мы могли точно знать, что наши наиболее влиятельные духовные вожди думают сегодня о Боге, мы смогли бы с определенной степенью точности предсказать, где будет Церковь завтра.

Несомненно, самая величественная мысль, которая только может возникнуть в нашем уме, — это мысль о Боге, а самое весомое слово в любом языке — это слово «Бог». Мысль и речь — это дары Бога, которые Он дал существам, созданным по Его образу и подобию; мысль и речь тесно связаны с Богом и не могут быть отделены от Него. И очень большое значение имеет тот факт, что первым словом было Слово.

«И Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1).

Мы можем говорить, потому что Бог говорил. В Нем слово и мысль неделимы.

Для нас очень важно, чтобы наше представление о Боге как можно больше соответствовало истинной сущности Бога. Наша формулировка своей веры почти не имеет значения по сравнению с нашими мыслями о Нем. Наше подлинное представление о Боге может быть похоронено под грудой мусора общепринятых религиозных понятий, и, возможно, потребует осмысленный и настойчивый поиск,

прежде чем нам удастся увидеть и понять наше подлинное представление о Боге. Только после сурового самоанализа мы, скорее всего, сможем узнать, что же мы на самом деле думаем о Боге.

Правильное представление о Боге является основой не только систематической теологии, но и практической христианской жизни. Для нашего поклонения это имеет такое же значение, как фундамент для храма; если фундамент поставлен неправильно или неровно, то весь храм рано или поздно рухнет. Я думаю, едва ли найдется такое отклонение от догмата Церкви или такое нарушение норм христианской этики, которое нельзя бы было объяснить как результат несовершенных или недостойных мыслей о Боге.

По-моему, господствующее сейчас, в середине XX столетия, представление о Боге совершенно недостойно Всевышнего, а для тех, кто называет себя верующими людьми, стало чем-то вроде морального бедствия.

Даже если бы все небесные и земные проблемы одновременно обрушились на нас, это было бы ничто по сравнению с той великой проблемой, которая встает перед нами, когда мы думаем о Боге: *есть* ли Он? *Какой* Он? И как мы, существа, наделенные моралью, должны *вести себя* по отношению к Нему?

Человек, который приходит к правильному пониманию Бога, освобождается от тысячи преходящих проблем, потому что он сразу же понимает, что эти проблемы если и будут волновать его, то недолго; но даже если он сбросит с себя груз многочисленных сиюминутных проблем, тяжкое бремя вечности начнет давить на него сильнее, чем все беды сего мира, взятые вместе. Этот тяжкий груз — обязательства человека перед Богом: ежеминутная, не покидающая нас до конца нашей жизни обязанность любить Бога всей силой нашего ума и нашей души, полностью повиноваться Ему, достойно служить Ему. И когда недремлющая совесть человека говорит ему, что он ничего этого не делал и что, напротив, он с детства восставал против величия Небес, тяжесть внутреннего самоосуждения может оказаться просто невыносимой.

Евангелие может снять с нас это тяжкое бремя, дать красоту взамен праха, одежды хвалы взамен печали. Но если человек не ощущает этого бремени, Евангелие для такого человека ничего не будет значить. И пока человек не увидит Бога высоко в Небесах, для него не будет ни печали, ни тяжкого бремени. Приземленный взгляд на Бога лишает Евангелия всех, у кого такой взгляд.

Среди грехов, к которым склоняется человеческое сердце, едва ли найдется такой грех, который был бы более ненавистен Богу, чем идолопоклонство, ибо идолопоклонство — это клевета на Его личность. Сердце идолопоклонника искажает сущность Бога, а это уже само по себе ужасный грех и заменяет истинного Бога существом, которое похоже на самого идолопоклонника. Такой бог будет всегда соответствовать образу своего «создателя», такой бог может быть приземленным или возвышенным, жестоким или добрым — в зависимости от морального состояния ума того, кто этого бога создал.

Вполне естественно, что бог, созданный в потемках падшего сердца, не будет похож на истинного Бога. «Ты подумал, — говорит Господь в Псалме, обращаясь к дурному человеку, — что Я такой же, как ты» (Пс. 49:21). Конечно, это серьезное оскорбление Всевышнего, перед которым херувимы и серафимы постоянно восклицают: «Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф».

Давайте не будем в гордыне своей думать, что идолопоклонство — это только преклонение колен перед видимыми объектами поклонения и, следовательно, цивилизованные люди свободны от этого греха. Суть идолопоклонства — это мысли о Боге, недостойные Его. Идолопоклонство зарождается в уме человека и может

существовать без каких-либо открытых проявлений. «Но как они, познавши Бога, — писал апостол Павел, — не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце» (Рим. 1:21).

Потом уже следует поклонение идолам, созданным по образу и подобию людей, птиц, зверей и пресмыкающихся. Неверные мысли о Боге — это не только источник, из которого течет грязная вода идолопоклонства; сами эти мысли по сути своей — идолопоклонство. Идолопоклонник просто выдумывает что-то про Бога, а потом ведет себя так, как будто бы эти выдумки были правдой.

Искаженные мысли о Боге вызывают гниение в той религии, в которой они появляются. Долгая история Израиля достаточно ясно показывает это, и история Церкви это подтверждает. Возвышенное представление о Боге настолько необходимо Церкви, что если это представление начинает хотя бы в какой-то степени снижаться. Церковь вместе со своим богослужением и со своими моральными нормами тоже будет принижена. Любая церковь может сделать свой первый шаг на этом пути, отказавшись от возвышенного представления о Боге.

Прежде чем христианская Церковь начнет приходить в упадок, обязательно начнется распад основ ее учения. Церковь просто неправильно ответит на вопрос «Каков Бог?», и за этим последует все остальное. Хотя, возможно, Церковь и будет стараться доказать, что в ней ничто не изменилось, но выглядеть это будет фальшиво. Прихожане такой церкви начнут верить в Бога, не похожего на настоящего; а это уже очень коварная и смертельно опасная ересь.

Сделать свое представление о Боге чистым и возвышенным, достойным Бога и Его Церкви — первостепенная задача современной христианской церкви. Во всех молитвах и во всех делах это должно быть на первом месте. Мы окажем величайшую услугу следующему поколению христиан, передав им незапятнанное и необесцененное благородное представление о Боге, которое мы получили от предыдущих поколений — от иудеев и от христиан. И это будет для грядущего поколения намного ценнее, чем все, что может оставить ему в наследство искусство или наука.

Господь, который был во Храме, Бог, Чья рука
По-прежнему питает народ;
Бог, Который долгим и трудным путем
Вел всех наших предков.
Наши обеты, наши молитвы мы сейчас
возносим
К престолу милости Твоей:
Бог наших отцов! Будь Богом
И для нас, их детей.

Филипп Доддриджд

Непостижимый Бог

Господи, в каком сложном положении мы оказываемся! В Твоем присутствии нам больше приличествует молчание, но любовь воспламеняет наши сердца и заставляет нас говорить.

Даже если бы мы молчали, вместо нас стали бы кричать камни; и все-таки если мы заговорим, то что мы должны сказать? Научи нас, как узнать то, чего мы не можем знать, ибо Божье неведомо человеку, а ведомо только Духу Божьему. Пусть вера поддержит нас там, где не может поддержать рассудок, и мы будем думать, потому что мы верим, а не для того, чтобы верить.

Во имя Иисуса. Аминь.

У ребенка, у философа и у религиозного деятеля — один и тот же вопрос: «Каков Бог?»

Эта книга - попытка дать ответ на этот вопрос. Но с самого начала я должен признать, что на этот вопрос нельзя ответить иначе, кроме как сказав, что Бог не похож ни на что, то есть Он не похож в *точности* ни на что и ни на кого.

Мы учимся, используя то, что мы уже знаем, в качестве моста, по которому мы переходим к тому, что еще неизвестно. Человеческий ум не может сделать резкий переход от того, что хорошо знакомо, к тому, что совершенно незнакомо. Даже самый сильный и смелый ум не может создать нечто из ничего спонтанным действием воображения. Те странные существа, которые населяют мир мифологии и суеверий, — это не простые создания фантазии. Воображение создало этих существ, взяв за основу обычных обитателей земли, воздуха и моря, увеличив или уменьшив привычный облик этих существ до неестественных размеров, или же соединив вместе облик двух или более существ и создав в результате что-то новое. Какими бы прекрасными или нелепыми эти существа ни были, всегда можно найти их прототипы. Они похожи на то, что нам уже известно.

Попытка людей, охваченных вдохновением, выразить то, что невозможно выразить словами, привела к тому напряжению, которое мы видим и в мыслях, и в языке Священного Писания. Поскольку часто это было откровением *сверхъестественного* мира, а умы, для которых оно было написано, были *частью* мира естественного, авторы вынуждены были использовать много слов, передающих понятия, похожие на то, что было в действительности, но не соответствующие ему, чтобы сделать Священное Писание понятным людям.

Когда Дух открывает нам что-то такое, что находится вне сферы наших знаний, Он говорит нам, что *это похоже* на нечто, что мы уже знаем, но Он очень осторожно выражает это словами, чтобы не вызвать у нас рабского преклонения перед буквальным значением слов. Например, когда пророк Иезекииль увидел, как отверзлись небеса, и узрел в своем видении Бога, он понял, что смотрит на что-то такое, что невозможно описать словами. То, что он видел, полностью отличалось от всего, что он видел раньше, и поэтому ему пришлось говорить языком сравнений.

«И вид этих животных был как вид горящих углей» (Иез. 1:13).

И чем ближе он подходит к пылающему престолу, тем меньше уверенности в его словах:

«А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг... Таково было видение подобия славы Господней» (Иез. 1:26-27; 2:1).

Каким бы странным ни был этот язык, он все же не производит впечатления чего-то нереального. Понятно, что вся эта сцена очень даже реальна, но чужда всему, что известно человеку на земле. Поэтому, чтобы передать словами мысль о том, что он видит, пророк должен использовать такие слова, как «подобие», «как бы» и «по виду как бы». Даже престол становится «подобием престола», а Тот, Кто восседает на нем, хотя и похож на человека, настолько на человека *не похож*, что Его можно описать только словами «как бы подобие человека».

Когда в Писании говорится, что человек был создан по образу и подобию Божьему, мы не осмеливаемся добавить к этому утверждению нашу собственную мысль о том, что здесь имеется в виду *точное* сходство. Если это сделать, то получится, что человек — копия Бога, и тем самым будет утрачена уникальность Бога, и в конце концов Бога уже не будет. Это значит пробить ту бесконечно высокую стену, которая отделяет то, что является Богом, от того, что Богом не является. Представить себе творение и Творца в основном похожими друг на друга — это значит лишить Бога большинства Его свойств и низвести Его до положения творения. Например, это значит лишить Его присущей Ему безграничности: во Вселенной не может быть двух безграничных субстанций. Это значит лишить Его присущей Ему независимости: во Вселенной не может быть двух абсолютно свободных существ, ибо рано или поздно две полностью свободных воли должны столкнуться друг с другом. Эти свойства Бога (а также и другие Его свойства, которые не были здесь упомянуты) таковы, что они могут принадлежать только кому-то одному.

Когда мы пытаемся представить себе, каков Бог, мы вынуждены использовать в качестве исходного материала для работы нашего ума то, что Богом не является.

Следовательно, каким бы мы ни представляли себе Бога, наше представление не будет соответствовать действительности, так как мы основываем наши представления о Боге на том, что Он сотворил, а то, что Бог сотворил, не является Богом. Если мы будем упорно стараться представить себе Его, то в конце концов мы получим идола, сделанного не нашими руками, но нашими мыслями; а идол, созданный умом человека, столь же оскорбителен для Бога, как и идол, созданный руками человека.

«Разум знает, что Ты неведом ему, — сказал Николай Кузанский. — Потому что разум знает, что знать Тебя невозможно, если только непознаваемое не станет известным, если только невидимое не станет видимым, а недостижимое — достигнутым».

«Если кто-нибудь выдвинет какое-нибудь понятие с целью постичь Тебя, — говорит также Николай Кузанский, — то я буду знать, что это понятие не имеет к Тебе отношения, ибо конец всякого понятия — в стене Рая... Поэтому также, если кто-то будет говорить о том, как понять Тебя, о том, чтобы найти способы, с помощью которых можно было бы понять Тебя, будет ясно, что этот человек еще далек от Тебя... поскольку Ты — абсолют, возвышающийся над всеми понятиями, которые человек может сформулировать».

Предоставленные сами себе, мы обычно тут же начинаем низводить Бога до таких понятий, которыми легко оперировать. Мы хотим, чтобы Он был там, где Им

всегда можно было бы воспользоваться, или чтобы, по крайней мере, всегда можно было знать, где найти Его, когда Он нам понадобится. Мы хотим иметь такого Бога, которым мы могли бы в какой-то степени управлять.

Нам необходимо чувство безопасности, которое появится, когда мы узнаем, каков Бог, а наши представления о Боге складываются из всех картин на религиозные сюжеты, которые мы видели, из образов самых лучших людей, которых мы когда-либо знали или о которых мы когда-либо слышали, из самых возвышенных мыслей, которые когда-либо у нас были.

Если все это кажется странным современному человеку, то это только потому, что в течение половины столетия мы воспринимали Бога как нечто само собой разумеющееся. Слава Божья не открылась этому поколению людей. Бог современного христианства лишь ненамного лучше богов Древней Греции и Древнего Рима, а может быть, даже и хуже их, потому что Он слаб и беспомощен, в то время как они, по крайней мере, имели силу.

Если мы принимаем за Бога то, чем Он не является, то как же нам тогда думать о Нем? Если Он действительно непостижим, как о Нем говорится в символе веры, и недоступен, как о Нем говорит апостол Павел, как мы, христиане, можем реализовать свое стремление к Нему? Обнадеживающие слова «Сблизься же с Ним, и будешь спокоен» (Иов. 22:21) продолжают звучать по прошествии столетий, но как мы можем сблизиться с Тем, Кто ускользает от нас, несмотря на все старания нашего ума и нашего сердца? И как можно от нас требовать, чтобы мы знали то, что невозможно знать?

«Можешь ли ты исследованием найти Бога? — спрашивает Софар Наамитянин. — Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес, — что можешь сделать? Глубже преисподней, — что можешь узнать?» (Иов. 11:7-8) «... и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть», — сказал Господь (Мф. 11:27). В Евангелии от Иоанна раскрывается беспомощность человеческого разума перед великой Тайной, которой является Бог, а апостол Павел в Первом Послании к Коринфянам учит нас, что Бога можно познавать только по мере того, как Святой Дух раскрывает Свою сущность ищущему сердцу.

Желание познать то, что мы познать не можем, постигнуть непостижимое, прикоснуться к недоступному, попробовать его происходит оттого, что образ Бога заложен в самой природе человека. То, что скрыто в глубине души, зовет нас туда, в глубину; хотя наша душа запятнана и устремлена к земле той великой катастрофой, которую богословы называют «грехопадением», душа чувствует свое происхождение и стремится вернуться к своим истокам. Как ей достичь этого?

Ответ, данный на этот вопрос в Библии, прост: «через Иисуса Христа, нашего Господа». В Христе и через Христа ; Бог полностью раскрывает Себя, хотя Он являет Себя не разуму, но вере и любви. Вера — это орган знания, а любовь — это орган опыта. Бог пришел к нам во плоти; искупив грехи наши, Он примирил нас с Собой, и с помощью веры и любви мы входим к Нему и постигаем Его.

«Поистине Бог — это бесконечное величие, — говорит Ричард Ролл, восторженно воспевавший Христа, — это величие большее, чем мы можем подумать... Тем, кто сотворен, этого знать не дано; мы никогда не сможем понять Его так, как Он понимает Себя. Но даже здесь и сейчас, всякий раз, когда сердце восплает желанием быть с Богом, оно может получить несотворенный свет, и, вдохновившись дарами Святого Духа и наполнившись ими, сердце испытывает радость небесную. Сердце переступает пределы всего того, что видимо, и поднимается к сладости вечной жизни... В этом — истинно совершенная любовь; когда все помыслы разума, все тайны, скрытые в сердце, поднимаются вверх, к Божьей любви».

То, что Бога можно познать душой, с нежностью, в личном общении, полностью отчуждаясь от любопытного взора разума, представляет собой парадокс, который лучше всего описать следующим образом:

Тьма для интеллекта.
Но солнечный свет для сердца.

Фредерик У. Фэйбер

Автор маленькой, но знаменитой книжки «Облако незнания» развивает эту мысль на протяжении всей своей книги. Он говорит, что, приближаясь к Богу, тот, кто ищет Его, узнает, что Божественное скрыто во тьме, скрыто за облаком незнания, но не стоит разочаровываться, а нужно только, отбросив все второстепенное в сторону, стремиться к Богу. Это облако находится между ищущим Бога и Самим Богом для того, чтобы мы никогда не видели Бога в свете понимания и не ощущали Бога с помощью наших чувств. Но по милости Божьей вера может пробиться через это облако туда, где присутствует Бог, если тот, кто ищет Бога, поверит в Его Слово и проявит настойчивость.

Тому же учил и испанский святой Мигель де Молинос. В своем «Духовном путеводителе» он говорит, что Бог возьмет душу за руку и поведет ее по пути чистой веры, «и, заставив разум оставить позади все рассуждения и мудрствования, Он поведет ее вперед... Тем самым Он делает так, что с помощью простого и не бросающегося в глаза знания, которое дает вера, душа стремится на крыльях любви только к своему Жениху».

За это учение и за другие подобные учения инквизиция объявила де Молиноса еретиком и приговорила к пожизненному заключению. Вскоре он умер в тюрьме, но истина, которой он учил, никогда не может умереть. Говоря о христианской душе, Мигель де Молинос пишет: «Пусть она думает, что весь мир и все самые изощренные рассуждения самых мудрых умов не могут ей ничего сказать и что доброта и красота ее Возлюбленного во много раз превосходят все знания этих людей, и пусть она поймет, что все творения Божьи слишком грубы для того, чтобы дать ей истинное знание о Боге и привести ее к этому знанию... Ей следует идти вперед с любовью, оставив понимание позади. Пусть она любит Бога таким, какой Он есть в Себе, а не таким, каким ей нарисует Его ее воображение».

«Каков Бог?» Если, задавая этот вопрос, мы имеем в виду: «Что представляет Собой Бог?», то на этот вопрос нет ответа. Если же мы имеем в виду: «Что Бог открывает о Самом Себе доступное пониманию благоговейному уму?», то, я думаю, на этот вопрос есть полный и исчерпывающий ответ. Ибо в время как имя Бога является тайной, а сущность Его непостижима, Он, удостоив нас Своей любви, через откровение приоткрыл нам нечто такое, что является истинными сведениями о Нем. Это то, что мы называем «Его атрибутами»¹.

Царственный Отец, небесный Царь,
Сейчас мы будем воспевать Тебя;
Мы рады исповедовать Твои свойства,
Славные и бесчисленные.

Чарлз Уэсли

¹ Атрибут (лат. attribuo — придаю, наделяю) — неотъемлемое свойство предмета, без которого предмет не может ни существовать, ни мыслиться (Философский словарь, Москва, 1991). — Прим. ред.

Божественные атрибуты: некоторые истины о Боге

О Величии, которое нельзя выразить словами, моя душа желает увидеть Тебя. Я взываю к Тебе из праха.

Но когда я спрашиваю, как Твое имя, оно остается для меня тайной. Ты скрыт в свете, к которому ни один человек не может приблизиться. Ты — Тот, кого нельзя описать ни с помощью мыслей, ни с помощью слов, ибо Твоя слава несказанна. И все же пророк и автор Псалмов, апостол и святой пробуждают во мне веру в то, что я в какой-то степени смогу узнать Тебя. Поэтому я молю Тебя, помоги мне искать то, что Ты Сам сочтешь нужным открыть мне, как сокровище более драгоценное, чем рубины или чистое золото: ибо с Тобой буду я жив, когда не будут больше в сумерки появляться на небе звезды, и когда небеса исчезнут, и только Ты останешься. Аминь.

Изучение атрибутов Бога вовсе не является скучным и трудным, для просвещенного христианина оно может стать приятным и увлекательным духовным занятием. Душе, жаждущей Бога, ничто не может доставить большее удовольствие.

Лишь сидеть и думать о Боге,
О, какая это радость!
Подумать об этом, шепотом произнести это имя —
На земле нет большего блаженства.

Фредерик У. Фэйбер

Пожалуй, прежде чем продолжать эту тему, следует дать точное определение слову *атрибут* в том значении, в каком оно используется в этой книге. Здесь имеется в виду не философское понимание этого слова и не строго богословское его значение. Оно просто означает то, что можно безошибочно приписать Богу.

В этой книге *атрибуты Бога* — это все, в чем Бог так или иначе раскрыл истину о Себе.

И это заставляет нас задать вопрос о количестве Божественных атрибутов. По этому поводу различные религиозные мыслители высказывают разные мнения.

Некоторые настаивают на том, что их семь, но, например, Фэйбер воспевал Бога с *тысячей* свойств, а Чарлз Уэсли восклицал:

Мы рады исповедовать Твои свойства,
Славные и бесчисленные.

Конечно, эти люди служили Богу, а не считали Его свойства, но, может быть, мы поступим разумно, если последуем за интуицией восторженного сердца, а не за более осторожными рассуждениями богословов. Если атрибуты — это нечто такое, что является истиной о Боге, то, может быть, нам и не стоит считать их. Более того, для рассуждения о сущности Бога количество атрибутов не имеет значения, потому что здесь будет упомянуто лишь ограниченное число этих свойств.

Если атрибут раскрывает истину о Боге, то мы можем *принять* его как истину о Боге. Бог, будучи бесконечным, может обладать такими свойствами, о которых мы можем ничего не знать. Свойство в таком виде, в каком мы его можем знать, — это сформулированное разумом понятие, ответ интеллекта на то, как Бог открывает нам Себя. Это ответ на вопрос, ответ, который Бог дает на наши вопросы о Нем.

Каков Бог? Каким Богом Он является? Как много может Он сделать для нас и для всех, кого Он создал? Эти вопросы нельзя отнести только к сфере богословской науки. Они глубоко затрагивают человеческую душу, и ответы на эти вопросы оказывают влияние на жизнь, характер, судьбу. Когда эти вопросы задают с благоговением и отвечают на них в смирении, они, конечно же, приятны нашему Отцу небесному. «Ибо Он желает, чтобы мы знали и любили Его, — писала леди Юлианна Норвичская, — до того, как мы окажемся на небесах... Ибо созерцание Творца и любовь к Нему более чем что-либо другое умаляет душу в ее собственных глазах и наполняет ее благоговейным трепетом и истинным смирением, а также великим милосердием по отношению к другим христианам».

Бог подготовил ответы на наши вопросы; конечно, не на все вопросы, но на такое количество, которого достаточно, чтобы удовлетворить наш интеллект и привести в восторг наши сердца. Бог дал нам эти ответы в природе, в Священном Писании и в лице Своего Сына.

Мысль о том, что Бог являет Себя в Своих творениях, современные христиане воспринимают неохотно, однако эта мысль ясно выражена в Слове Божьем, в особенности в произведениях Давида и Исаяи в Ветхом Завете и в Послании апостола Павла к Римлянам в Новом Завете. Яснее всего это откровение выражено в Священном Писании.

Небеса возвещают о Твоей славе. Господь,
В каждой звезде сияет Твоя мудрость;
Но, когда наши глаза видят Твое Слово,
Мы читаем Твое имя яснее, чем где-либо.

Айзек Уоттс

И наиболее полно, словно при ярком солнечном свете, Бог явил Себя людям тогда, когда Вечное Слово стало плотью и обитало среди них, — это откровение является священной и неотъемлемой частью Благой вести.

Хотя Бог таким образом дал ответы на наши вопросы о Нем, эти ответы вовсе не лежат на поверхности. Их нужно искать с молитвой, упорно и систематически размышляя о Священном Писании. Как бы ярко ни сиял этот свет, его могут увидеть только те, кто духовно подготовлен к тому, чтобы получить его.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Если мы хотим всерьез подумать об атрибутах Бога, то мы должны научиться отказываться от определенных слов, которые наверняка придут нам при этом в голову; это такие слова, как *особенность, характеристика, качество*.

Эти слова приемлемы и даже необходимы там, где речь идет о творениях Божьих, но совершенно неприемлемы, когда мы думаем о Боге. Мы должны перестать думать о Создателе так, как мы думаем о Его творениях. Может быть, невозможно думать без слов, но если мы позволим себе думать с помощью неверных слов, то вскоре у нас появятся ошибочные мысли, так как слова, которые даны нам для того, чтобы мы выражали свои мысли, имеют обыкновение выходить за пределы того, что от них

требуется, и определять содержание мыслей. «Нет ничего легче, чем думать, — пишет Томас Трэйерн, — и нет ничего труднее, чем думать хорошо». Думая о Боге, мы должны думать как никогда хорошо.

Человек состоит из суммы частей тела, а его характер — из суммы черт характера. У разных людей эти черты характера бывают разными, а иногда даже у одного и того же человека они могут время от времени меняться. Человеческий характер непостоянен, потому что его черты нестабильны. Они приходят и уходят, проявляются то сильнее, то слабее на протяжении нашей жизни. Так, человек, который добр и тактичен в тридцать лет, может стать жестоким и грубым в пятьдесят. Такая перемена возможна, потому что человек *сделан*, он в самом буквальном смысле этого слова является «соединением»: он - сумма различных черт, составляющих его характер.

Естественно и абсолютно правильно, что мы думаем о человеке как о произведении, созданном Божественным Интеллектом. Человек и сотворен, и просто сделан. То, как был создан человек, — это одна из нераскрытых тайн Бога; как человек появился из небытия и из ничего стал чем-то, неизвестно и никогда не будет известно никому, кроме Того, Кто сотворил человека. Однако то, как Бог *сделал* человека, является тайной в меньшей степени, и, хотя нам известна лишь небольшая часть всей правды, мы знаем, что у человека есть тело, душа и дух; мы знаем, что у человека есть память, рассудок, воля, интеллект, чувства, и мы также знаем, что если все это было дано человеку, то человек обладает чудесным даром сознания. Мы также знаем, что все это вместе с особенностями темперамента составляет всю совокупность личности человека. Все эти Божьи дары скомпонованы с бесконечной мудростью, это ноты, которые составляют партитуру самой возвышенной симфонии творения, это нити, из которых соткан великолепный ковер Вселенной.

Но обо всем этом мы думаем теми мыслями, которые применимы к творениям Божьим, и эти мысли мы выражаем словами, которые применимы к творениям Божьим. Такие мысли и такие слова нельзя применять по отношению к Божеству. «Отец ни от кого не сотворен, не создан, не рожден. Сын от единого Отца не сотворен, не создан, но рожден. Дух Святой от Отца не сотворен, не создан, не рожден, но исходящ».

Бог существует в Самом Себе и от Самого Себя. Он никому не обязан Своим существованием. Он — неделимая субстанция. Он не состоит из отдельных частей, Он един в Своей единой сущности.

Учение о Божественном единстве означает не только то, что есть лишь один Бог; оно также означает, что Бог — это нечто однозначное, не состоящее из разных частей, что Он — один в Самом Себе. Гармония Его существа — это результат не только совершенного равновесия составных частей, но и отсутствия составных частей. Не может быть никакого противоречия между Его атрибутами. Ему не нужно отменять одно свойство для того, чтобы воспользоваться другим; для Него все Его атрибуты — одно целое. Все существо Бога делает то, что делает Бог; Он не разделяет Себя на части для того, чтоб сделать какое-то дело, Он действует в полном единстве Свое сущности.

Следовательно, атрибут не является частью Бога. Это то, *как* проявляет Себя Бог, и, таким образом, насколько это доступно нашему уму, мы можем сказать, *что* есть Бог, хотя, как я уже пытался объяснить, точно нам это не дано знать. О том, как Бог думает о Себе, когда Он о Себе думает, знает только Он.

«...Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2:11).

Только равному Себе мог бы Бог поведать тайну Своей Божественности; но мысль о том, что может быть кто-то равный Богу, абсурдна.

Божественные атрибуты — это истина, которую мы знаем о Боге. Они принадлежат Богу не как Его качества; они являются тем, как Бог открывает Себя Своим творениям. Например, любовь — это не что-то такое, что Бог имеет и что может увеличиваться или уменьшаться или вовсе перестать существовать. Божья любовь — это один из видов существования Бога, и когда Он любит. Он просто является Самим Собой. То же самое можно сказать и о других Его свойствах.

Единый Бог! Единое Величие!
Нет Бога, кроме Тебя!
Безграничное, бесконечно протяженное Единство!
Бездонное Море!
Вся жизнь происходит из Тебя,
И Твоя жизнь — это Твое блаженное Единство.

Фредерик У. Фэйбер

Святая Троица

Бог наших отцов, восседающий на престоле среди яркого света, как богат, как музыкален язык Англии! Но, когда мы пытаемся говорить о Твоих чудесах, какими бедными кажутся наши слова и какой немелодичной кажется наша речь! Когда мы рассуждаем о пугающей нас тайне Твоего Троидинобо Божества, мы закрываем рукой свои уста. Стоя перед этим пылающим кустом, мы просим не о том, чтобы понять, а лишь о том, чтобы мы могли должным образом поклоняться Тебе, Один Бог в Трех Лицах. Аминь.

Размышлять о трех Лицах Божества — это значит мысленно совершать прогулку по саду Эдема, двигаясь по направлению к востоку, и ступать на святую землю. Наши самые искренние стремления постичь непостижимую тайну Троицы Должны навсегда остаться безрезультатными, и только глубокое благоговение может оградить эти наши стремления от ни на чем не основанных домыслов.

Некоторые люди, отвергающие все, что они не могут объяснить, отрицают, что Бог триедин. Пристально глядя на Всевышнего своим холодным, спокойным взглядом, они думают, что не может быть, чтобы Он был одновременно и Одним, и Тремя. Эти люди забывают, что вся их жизнь окутана тайной. Они не думают о том, что любое реальное объяснение Даже простейшего явления природы скрыто во мраке и что объяснить это явление не легче, чем тайну Божества.

Каждый человек живет верой — и неверующий, и святой; один живет верой в законы природы, другой - верой в Бога. Каждому человеку на протяжении всей его жизни приходится верить во что-то, пусть даже неосознанно. Даже самого ученого мудреца можно повергнуть в молчание одним простым вопросом: «Что?» Ответ на этот вопрос всегда будет находиться в пропасти незнания, недоступной пониманию ни одного человека. «Бог знает путь ее [смерти], и Он ведает место ее» (Иов. 28:23), но смертный человек этого никогда не знает.

Томас Карлейль вслед за Платоном описывает чувства человека, серьезного языческого мыслителя, выросшего в темной пещере, когда он впервые увидел восход солнца. «Как он был удивлен! — восклицает Карлейль. — Каким изумлением был он охвачен при виде того, на что мы ежедневнозираем с безразличием! Со свободным, открытым восприятием ребенка и вместе с тем с характерной для взрослого человека зрелостью ума он смотрел на это зрелище, и сердце его воспламенялось... Эта скалистая земля, покрытая зеленой травой и цветами, эти деревья, эти горы, эти реки, эти шумящие моря и проплывающее вверху, у него над головой, огромное темно-синее море, колышимое ветром, эта черная туча, постоянно меняющая свою форму, из этой тучи появляется то огонь, то град и дождь; что это? Что? всю глубину, всю сущность этого мы пока еще не знаем; мы никогда не сможем это узнать».

Как отличается от этого наше восприятие — восприятие тех, кто пресыщен чудесами. «Мы избегаем думать об этом вовсе не из-за нашей великолепной проницательности, — пишет Карлейль, — а из-за нашего невероятного легкомыслия, из-за нашей невнимательности, из-за того, что нам не хватает проницательности. Мы перестаем удивляться этому, потому что мы не думаем... Мы называем огонь, выходящий из черной грозовой тучи, электричеством, тоном ученых людей читаем о

нем лекции и получаем некое его подобие путем трения шелка о стекло. Но что *это*? Откуда оно приходит? Куда оно идет? Наука сделала для нас многое, но плоха та наука, которая попыталась бы скрыть от нас великую, глубокую и священную бесконечность Незнания, в которую мы никогда не можем проникнуть, над которой вся наука — как пленка на поверхности воды. Этот мир даже сейчас, когда есть столько всяких наук, по-прежнему остается чудом — чудесным, непостижимым, загадочным, и даже больше, — для всякого, кто *задумается* об этом».

Эти проникновенные, почти пророческие слова были написаны более ста лет назад, но с тех пор никакие достижения науки и техники не обесценили их значения, и в этом высказывании не устарела ни одна точка, ни одна запятая. Мы по-прежнему не знаем. Чтобы о нас не подумали плохо, мы легкомысленно повторяем популярные научные термины. Мы обуздываем могущественную энергию, которая стремительно пронесется через наш мир, мы с величайшей точностью управляем этой энергией в наших автомобилях и на наших кухнях, мы заставляем эту энергию работать на нас, как Аладдин заставлял джинна, но мы по-прежнему не знаем, что это такое. Секуляризация, материализм и навязчивое присутствие *вещей* погасили в наших душах свет и превратили нас в поколение зомби. Мы прикрываем наше полное незнание словами, но мы стыдимся чему-либо удивляться, мы боимся даже шепотом произнести слово «тайна».

Не колеблясь, Церковь проповедует учение о Троице. Не претендуя на понимание, она свидетельствует об этом, повторяя то, чему учит Священное Писание. Некоторые отрицают, что в Писании говорится о Троице, на том основании, что сама мысль о троиственности и единстве — это противоречие в терминологии. Но поскольку мы не можем понять, почему и как лист падает с дерева у дороги, почему и как воробышек вылупливается в гнезде на том же дереве, то почему Троица должна быть для нас проблемой? «Наши мысли о Боге становятся более возвышенными, — писал Мигель де Молинос, — когда мы знаем, что Он непостижим, недоступен нашему пониманию, а не когда мы представляем Его себе в каком-то образе и наделяем Его красотой, соответствующей нашему несовершенному пониманию».

Не все, кто называл себя христианами на протяжении столетий, исповедовали доктрину Троице. Но вера в Троицу со времен апостолов сияла над Церковью Его Первородного Сына в ее путешествии сквозь годы, подобно тому как присутствие Бога в виде огненного столпа сияло над лагерем народа Израиля на протяжении всего пути через пустыню, свидетельствуя всему миру: «Это Мой народ». Чистота и сила следовали за этой верой. Под этим знаменем шли апостолы, отцы Церкви, мученики, мистики, авторы церковных песнопений, реформаторы, борцы за возрождение Церкви, и на и жизнях и на их делах была печать Божьего одобрения. Пусть в чем-то второстепенном их взгляды различались, но всех и объединяла приверженность учению о Троице. Верующее сердце признает то, о чем говорит Бог, не пытаясь искать других доказательств. Искать доказательства — значит подвергать сомнению, найти доказательства — значит сделать веру излишней. Все, кто владеет даром веры, поймут, как мудры смелые слова, сказанные одним из первых отцов Церкви: «Я верю, что Христос умер за меня, потому что это невероятно; я верю, что Он воскрес из мертвых, потому что это невозможно».

Так относился к Богу Авраам, который, несмотря на все реальные доводы, был тверд в вере, прославляя Бога. Так относился к Богу Ансельм — «второй Августин», один из величайших мыслителей христианской эпохи, который считал, что вера должна предшествовать всем попыткам прийти к пониманию Естественного, что размышление об истине, познанной через откровение, приходит после того, как приходит вера, но вера приходит туда, где уши слышат, а не туда, где ум погружается в размышления.

Верующий человек приходит к вере не путем мудрствования, он не ищет подтверждения своей вере в философии или в науке.

Он кричит:

«О, земля, земля, земля! слушай слово Господне» (Иер. 22: 29).

«Бог верен, а всякий человек лжив...» (Рим. 3:4).

Означает ли это, что ученость не имеет никакой ценности в сфере религии, данной нам в Божественном откровении? Вовсе нет. Перед ученым стоит очень важная задача, но пределы ее строго ограничены. Задача ученого — гарантировать чистоту текста, как можно большую его близость к первоначальному тексту Слова Божьего. Ученый может сравнивать один текст Писания с другим до тех пор, пока не дойдет до понимания истинного смысла текста. Но именно на этом его полномочия кончаются. *Он никогда не должен давать свою оценку написанному.* Он не должен осмеливаться выставлять *смысл* Слова Божьего на суд своего рассудка. Он не должен решаться на то, чтобы признавать Слово Божье разумным или неразумным, научным или антинаучным. После того как смысл Писания раскрыт, этот смысл выносит свое суждение об ученом, а не наоборот.

Учение о Троице — это истина для сердца. Лишь дух человеческий способен пройти через эту завесу и проникнуть в Святая святых. «Позволь мне искать Тебя в стремлении, — молил Господа Ансельм, — позволь мне стремиться к Тебе в поиске, позволь мне найти Тебя в любви и, найдя, любить Тебя». Любовь и вера чувствуют себя как дома в тайне Божества. И пусть разум с почтением преклонит колена, не входя в этот дом.

Христос, не колеблясь, использовал форму множественного числа, говоря о Себе Самом и одновременно о Боге-Отце и о Духе Святом: «...и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14:23). И еще Он сказал: «Я и Отец — одно» (Ин. 10:30). Очень важно, чтобы мы думали о Боге как о Единой Троице, не смешивая Трех Лиц и не разделяя Единую Сущность. Только так мы можем правильно думать о Боге, и только такие мысли о Боге достойны Его и достойны наших душ.

Именно то, что наш Господь настаивал на своем равенстве с Отцом, возбуждало гнев набожных людей Его времени и в Конце концов привело Его к распятию. Нападки на учение о Троице, предпринятые два столетия спустя Арием и некоторыми другими людьми, также были направлены на то, чтобы лишить Христа Его Божественной сущности. В то время когда арианство противопоставляло себя всему христианскому миру, 318 отцов Церкви (многие из которых были изувечены или покрыты шрамами в результате пыток, перенесенных во время гонений на христианство) встретились в Никее и приняли символ веры, одна из частей которого гласит:

Верую во единого Господа Иисуса Христа,
Сына Божьего, единородного,
Рожденного от Отца, то есть из сущности Отца,
Бога от Бога, Света от Света,
Бога Истинного от Бога Истинного,
Рожденного, несотворенного.
Отцу единосущного, чрез Которого все произошло
Как на небе, так и на земле...

На протяжении более шестнадцати столетий это было и остается окончательной проверкой на истинную принадлежность христианству. Так и должно быть, потому что

в этих словах богословским языком кратко сформулирована вся сущность учения Нового Завета о положении Сына в Божественной Сущности.

Принятый Никейским собором символ веры также отдает дань и Святому Духу, Который является Богом и Который равен Отцу и Сыну:

Верую в Духа Святого,
Господа, животворящего,
Исходящего от Отца,
Вместе с Отцом и Сыном
Почитаемого и прославляемого.

Если не считать вопроса о том, исходит ли Дух Святой только от Отца, или от Отца и от Сына, это положение древнего символа веры разделяют и западная, и восточная ветви Церкви, и вообще подавляющее большинство христиан.

Авторы символа веры св. Афанасия с очень большой осторожностью описывали взаимоотношения между тремя Лицами Троицы, заполняя пробелы в человеческой мысли лишь настолько, насколько это было возможно, не выходя за пределы, очерченные полученным по вдохновению свыше Словом Божьим. «В этой Троице, — говорится здесь, — нет ничего прежде или после, нет ничего больше или меньше, но все три Лица едины в вечности, объединены друг с другом и равны».

Но как же сочетаются эти слова со словами Иисуса: «Отец Мой более Меня» (Ин. 14:28)? Те старые богословы знали это и написали в символе веры: «Равный Отцу в Своей Божественной Сущности; менее Отца в Своей человеческой сущности». И это определение привлекает внимание каждого человека, который всерьез намерен искать истину там, где свет лишь едва виден.

Для того чтобы искупить грехи человечества, Вечный Сын не покидал Отца Своего; находясь среди людей. Он говорил о Себе как о «единородном Сыне, сущем в недрах Отца» (Ин. 1:18) и как о «Сыне Человеческом, сущем на небесах» (Ин. 3:13). Мы допускаем, что здесь есть тайна, но не смешение понятий. Воплотившись в образ человека, Сын скрывал Свою Божественную Сущность, но не отрицал ее. Единство Божества делало невозможным любое отступление от Его Божественной Сущности. Когда Он взял на Себя человеческую природу. Он не деградировал и даже на какое-то время не стал чем-то меньшим, чем Он был ранее. Бог никогда не может стать меньшим, чем Он есть. Потому что невозможно даже подумать, что Бог может стать чем-то отличным от того, Чем Он является.

Три Лица Божественной Сущности — это одно целое, и у них единая воля. Они действуют всегда вместе, и никогда ни один из Них не делает даже самую малость без одобрения двух других. Каждое деяние Божье осуществляет Троица в Своем Единстве. Здесь, конечно, мы вынуждены думать о Боге с помощью понятий, характерных только для человека. Мы думаем о Боге по аналогии с человеком, и в результате мы не можем познать окончательную истину. Но если мы вообще намерены думать о Боге, то мы обязательно будем применять по отношению к Творцу те мысли и те слова, которые применяются обычно по отношению к Его творениям. Вполне реальная ошибка, которую люди совершают, часто даже не осознавая этого, — это размышление о Трех Лицах Божественной Сущности как о людях, совещающихся между собой, обменивающихся мыслями и в результате приходящих к какому-то соглашению. Мне все время казалось, что у Мильтона в его знаменитом «Потерянном Рае» есть одно довольно слабое место: это когда Три Лица Божества разговаривают друг с другом об искуплении грехов человечества.

Когда Сын Божий ходил по земле как Сын Человеческий, Он часто говорил с Отцом, и Отец отвечал Ему; как Сын Человеческий Он и сейчас заступает перед Богом за Своих людей. Диалог между Отцом и Сыном, записанный в Священном Писании, всегда следует понимать как диалог между вечным Отцом и человеком Иисусом Христом. То общение, которое происходит в одно мгновение между Тремя Лицами Божественной Сущности, то общение, которое существует вечно, не знает ни звуков, ни усилий, ни движений.

Среди вечного молчания
Было произнесено бесконечное Божье Слово,
Его не слышал никто, кроме Того,
Кто говорил всегда,
И не было нарушено молчание.
О изумительный! О достойный поклонения!
Ни песни, ни звука не слышно,
Но повсюду и каждый час
В любви, в мудрости и в силе
Отец произносит Свое драгоценное
Вечное Слово.

Фредерик У Фэйбер

Многие христиане полагают, что дела Господни распределены между Тремя Лицами, например, сотворение мира приписывается Отцу, искупление грехов человечества — Сыну, а духовное возрождение — Духу Святому. Это верно лишь отчасти, но не полностью, ибо Бог не может разделить Себя так, что одно Лицо будет действовать, в то время как другое будет оставаться в бездействии. В Священном Писании показано, как Три Лица действуют в гармоничном единстве, творя все великие дела во всей Вселенной.

В Священном Писании говорится, что мир *сотворен* Отцом (Быт. 1:1), Сыном (Кол. 1:16) и Духом Святым (Иов. 26:13 и Пс. 103:30). *Воплощение* в образ человеческий было совершено всеми Тремя Лицами (Лк. 1:35), хотя только Сын стал плотью и обитал среди нас. В момент *крещения* Христа Сын выходил из воды. Дух Святой нисходил на Него, а голос Отца говорил с небес (Мф. 3:16-17).

Возможно, самое прекрасное описание *искупления грехов* можно найти в Послании к Евреям (9:14), где сказано, что Христос Вечным Духом Святым принес Себя, непорочного. Богу; и здесь тоже мы видим, как Три Лица действуют вместе.

Таким же образом *воскресение* Христа можно считать деянием и Отца (Деян. 2:32), и Сына (Ин. 10:17-18), и Духа Святого (Рим. 1:4). Апостол Петр указывает, что *спасение* каждого конкретного человека — это действие всех Трех Лиц Божественной Сущности (1 Пет. 1:2), и еще говорится, что в душе христианина *обитают* и Отец, и Сын, и Дух Святой (Ин. 14:15-23).

Учение о Троице, как я уже сказал, это истина для сердца. Тот факт, что это учение не может быть удовлетворительно объяснено, свидетельствует не против этого учения, а, наоборот, ^в его пользу. Такая истина может быть постигнута только путем откровения, никто не смог бы просто так представить ее себе.

О Благословенная Троица!
О простейшее Величие! О Трое в Одном!
Ты — навек единый Бог.
Святая Троица!

Благословенны Трое равных.
Единый Бог, мы славим Тебя.

Фредерик У. Фэйбер

Самодостаточность Бога

Господь всех существ! Только Ты один можешь подтвердить, что ТЫ ЕСТЬ СУЩИЙ; но каждый из нас, созданных по Твоему образу и подобию, может повторить вслед за Тобой: «Я есмь», признавая тем самым, что мы исходим от Тебя и что наши слова - только эхо Твоих слов.

Мы признаем, что Ты — это тот великий Оригинал, с которого Ты по доброте Своей сделал нас — всего лишь несовершенные копии, но и за это мы благодарны Тебе. Мы преклоняемся перед Тобой, о Вечный Отец. Аминь.

«У Бога нет происхождения», — сказал Новатиан, и именно эта мысль об отсутствии происхождения является тем основным критерием, с помощью которого Бога можно отличить от того, что не является Богом.

«Происхождение» — это слово, которое можно применить по отношению к тому, что было создано. Когда мы думаем о чем-то, что имеет происхождение, мы не имеем в виду Бога. Бог существует Сам по Себе, в то время как все, что было создано, обязательно происходит из чего-то. Кроме Бога, ничто не возникло само по себе.

Пытаясь узнать происхождение вещей, мы признаем, что все было создано Кем-то, Кто был создан из ничего. В этом убеждает нас наш опыт. У всего, что существует, должна быть какая-то причина, предшествовавшая ему, или, по крайней мере, равная ему, потому что меньшее не может произвести большее. Любой человек или любой предмет может одновременно быть и причиной чего-либо, и следствием чего-либо, и так до тех пор, пока мы не вернемся к Тому, Кто является причиной всего и следствием ничего.

Ребенок, спрашивая «Откуда пришел Бог?», сам того не ведая, утверждает, что Бог был кем-то создан. В уме ребенка уже утвердилась концепция причины, источника, происхождения. Он знает, что все вокруг него произошло от чего-то иного, и он просто распространяет эту концепцию на Бога. Маленький философ мыслит обо всем как о созданном кем-то, и если учесть, что ему не хватает основной информации, то можно сказать, что он мыслит правильно. Ему нужно сказать, что Бог не имеет происхождения, но ему трудно будет понять это, так как это та категория, с которой он совершенно не знаком, категория, которая противоречит глубоко укоренившемуся в уме всех разумных существ стремлению всему искать причину, стремлению, которое заставляет людей двигаться все дальше и дальше назад, все проверяя, до тех пор пока они не дойдут до того, начало чего не может быть обнаружено.

Нелегко, а может быть, и невозможно так просто, без подготовки, подумать о том, по отношению к чему нельзя применить идею происхождения. Бывает так, что маленький огонек нельзя увидеть, глядя на него прямо, а только лишь направив взгляд слегка в сторону. Нечто подобное происходит и с мыслью о Несотворенном. Когда мы пытаемся сконцентрировать нашу мысль на Том, Кто вовсе не был сотворен, мы можем ничего не увидеть, ибо Он обитает среди света, к которому ни один человек не может приблизиться. Только с помощью веры и любви мы можем взглянуть на Него, когда Он будет проходить мимо нашего укрытия в «расселине скалы». «И хотя это знание смутное, неясное и слишком общее, — говорит Мигель де Молинос, — все же, будучи сверхъестественным, оно дает более ясное и совершенное представление о Боге, чем

понимание, достигнутое в этой жизни с помощью разума, поскольку все материальные образы и образы, созданные разумом, бесконечно далеки от Бога».

Человеческий ум, будучи сотворенным, по вполне понятным причинам с трудом может представить себе Несотворенного. Мы испытываем неудобства, допуская присутствие Того, Кто полностью находится за пределами наших знаний. Мы склонны беспокоиться при мысли о Том, Кто не отчитывается перед нами о Своем существовании, Кто не отвечает ни перед кем, Кто существует Сам по Себе, ни от кого не зависим и полностью самостоятелен.

Философия и другие науки не всегда благосклонно относились к мысли о Боге, и дело здесь в том, что науки созданы для того, чтобы все объяснять, и ученые испытывают беспокойство, когда что-то объяснить не удается. Ученые признают, что есть много такого, чего они не знают. Но это вовсе не то же самое, что признать существование чего-то такого, что они *никогда* не смогут узнать, чего-то такого, для открытия которого у них не разработано никакой методики. Признать, что есть Кто-то, Кто находится далеко от нас, Кто не вмещается в созданные нами категории. Кого нельзя окликнуть по имени. Кто не предстанет перед судом нашего разума, Кто не ответит на наши расспросы — это требует большого смирения. И большинству из нас такого смирения недостает, поэтому мы стараемся спасти свою репутацию, в мыслях низводя Бога до своего собственного Уровня или, по крайней мере, до такого уровня, на котором мы могли бы управлять Им. Но как Он неуловим! Ибо Он повсюду и в то же время нигде, так как понятие «где-то» подразумевает материю и пространство, а Бог не зависит ни от материи, ни от пространства. Его не касаются ни время, ни движение, Он зависит только от Самого Себя, и Он ничем не обязан тем мирам, которые были созданы Его руками.

Вне времени, вне пространства,
один, в уединении,
И вместе с тем возвышенные Трое,
Ты велик всегда, единый
Бог в Единстве!
Один в величии, один во славе.
Кто расскажет Твою чудесную историю?
Внушающая благоговение Троица!

Фредерик У. Фэйбер.

Печально думать о том, что миллионы из нас, живущих в стране, где читают Библию, принадлежащих к различным церквям и трудящихся на ниве христианства, за всю жизнь, может быть, ни разу не подумали всерьез о существовании Бога и даже не попытались сделать это. Мало кто из нас с удивлением читает слова «Я ЕСМЬ...» и видит при этом Того, Кто существует Сам по Себе, дальше Которого не простираются мысли ни одного сотворенного Им существа. Такие мысли слишком мучительны для нас. Мы предпочитаем думать о чем-нибудь полезном: например, о том, как сконструировать надежную мышеловку, или о том, как добиться, чтобы на месте одной травинки выросло две. И за это мы платим дорогую цену: наша религия становится все более светской, а наша внутренняя жизнь подвергается распаду.

Может быть, какой-нибудь искренний, но пришедший в замешательство христианин захочет сейчас спросить, в чем практический смысл тех концепций, которые я здесь излагаю. «Какое влияние это оказывает на *мою* жизнь? — может быть, спросит он. — Какое значение самодостаточность Бога может иметь для меня и для

других людей, подобных мне, в том мире, в котором мы живем, и в то время, в которое мы живем?»

На это я отвечу, что, поскольку мы — творения Божьи, *все наши проблемы и все пути решения этих проблем являются богословскими*. Некоторое знание о Боге, управляющем Вселенной, необходимо для создания разумной жизненной философии и здравого мировоззрения. Часто цитируется совет Александра Поупа:

Познавай самого себя, и не стремись изучать Бога:
Только изучая человека, можно познать человечество.

Если бы этому совету следовали буквально, он лишил бы человека всякой возможности когда-либо познать себя даже самым поверхностным образом. Мы никогда не узнаем, кто мы и что мы, до тех пор пока мы хотя бы немного не узнаем о том, Каков Бог. Поэтому самодостаточность Бога — это не обрывок сухой доктрины, заумной и далекой от жизни. В действительности это животрепещущий вопрос, столь же практический, как новейшая методика хирургической операции.

По причинам, известным только Ему Самому, Бог возвысил человека над другими существами, сотворив его по Своему образу и подобию. И нужно понять, что образ и подобие Бога — это не поэтическая фантазия, не мысль, рожденная религиозной страстью. Это достоверный богословский факт, о котором откровенно говорится в Священном Писании и который Церковь признает как истину, способствующую правильному пониманию христианской веры.

Человек — это существо сотворенное, созданное по образу и подобию Бога и зависящее от Бога, сам по себе человек не обладает ничем. И в каждый момент своего существования человек зависит от Того, Кто создал его по Своему образу и подобию. Существование Бога необходимо для существования человека. Подумайте, что Бога нет, — и исчезнет фундамент существования человека.

То, что Бог — это все, а человек — ничто, является основным догматом христианской веры, и здесь христианское учение совпадает с учением наиболее развитых философских религий Востока. Человек со всем своим умом есть только эхо первоначального голоса, только отражение несотворенного света. Подобно тому как исчезает солнечный луч, отделенный от солнца, человек, отделенный от Бога, вновь погружается в пустоту небытия, из которой он вышел в момент сотворения.

И не только человек, а все, что существует, происходит и зависит от непрекращающегося импульса творения.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:1-3).

Так объясняет это Иоанн, и с ним соглашается апостол Павел: «Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол. 1:16-17).

К этому свидетельству добавляет свой голос автор Послания к Евреям, свидетельствуя о Христе, что Он — в сиянии славы Господней, что Он выражает образ Своей Личности и что Он все поддерживает словом Своей власти.

В этой абсолютной зависимости всего от созидательной воли Бога есть возможность и святости, и греха. Одна из черт образа и подобия Божьего в человеке — это его способность делать свободный выбор в сфере нравственности. Согласно учению христианства, человек предпочел быть независимым от Бога и подтвердил свой выбор тем, что умышленно отказался следовать указанию Бога. Этот поступок разрушил те взаимоотношения, которые существовали между Богом и Его творением;

Бог перестал быть фундаментом человеческого существования, что отбросило человека назад — к самому себе. После этого он стал не планетой, вращающейся вокруг Солнца, расположенного в центре, а самостоятельным солнцем, вокруг которого должно вращаться все остальное.

Невозможно представить себе лучшего подтверждения самодостаточности Бога, чем слова, которые Бог сказал Моисею:

«Я ЕСМЬ СУЩИЙ» (Исх. 3:14).

Все, чем является Бог, все, что является Богом, описано в этом решительном заявлении. Но в Боге самодостаточность — это не грех, а квинтэссенция доброты, святости и истины.

Естественный человек потому, и только потому, — грешник, что он бросает вызов самодостаточности Бога в отношениях с Ним. Во всем остальном он, может быть, охотно принимает господство Бога, но в своей собственной жизни он отвергает его. Для него полномочия Бога кончаются там, где начинаются его полномочия. Для него слово «сам» пишется с заглавной буквы, и в этом он бессознательно подражает Люциферу, падшему сыну утренней зари, который говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой... буду подобен Всевышнему» (Ис. 14:13-14).

Но самодостаточность — вещь настолько тонкая, что едва ли кто-нибудь осознает ее присутствие. Так как человек родился бунтарем, он не осознает собственного бунта. Постоянное утверждение собственного «я» является для него чем-то вполне нормальным. Он согласен расстаться с частью своего «я», а иногда даже пожертвовать собой для достижения желаемой цели, но он никогда не захочет сойти со своего престола. И неважно, как низко этот человек может спуститься по ступеням социальной лестницы, в своих собственных глазах он все равно будет царем на престоле, и никто, даже Бог, у него этот престол не отнимет.

Грех имеет множество проявлений, но суть его одна. Моральное существо, созданное Богом для поклонения Ему, восседает на своем собственном престоле и с этой высоты заявляет: «Я ЕСМЬ». По сути своей это грех, но поскольку это нечто естественное, оно может показаться даже хорошим. Это моральное несоответствие вызовет угрызения совести только тогда, когда, получив Благою весть, душа предстанет перед Святейшим без закрывающего ее щита неведения. На языке Евангелия человек, предстающий таким образом перед пламенем присутствия Всемогущего Бога, называется «осужденным». Христос упоминал об этом, когда сказал о Духе, Которого Он пошлет миру:

«И Он пришед обличит мир о грехе и о правде и о суде» (Ин. 16:8).

Впервые эти слова Христа сбылись в день Пятидесятницы, После того как апостол Петр произнес первую великую христианскую проповедь. «Слыша это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим апостолам: что нам делать, мужи братия?» (Деян. 2:37).

«Что нам делать?» — это крик, доносящийся из самой глубины сердца каждого человека, который вдруг понимает, что он — узурпатор, восседающий на престоле, отнятом у другого. Как бы болезненно это ни было, но именно это внезапное моральное оцепенение приводит к истинному покаянию и формирует стойкого христианина после того, как кающийся низвергает себя с престола и находит прощение и спокойствие через Евангелие.

«Чистота сердца, — это стремление человека к цельности», — говорил Кьеркегор. А мы можем изменить эту фразу и с такой же правотой заявить: «Суть греха — это стремление человека к цельности», ибо когда человек хочет заменить волю Божью своей волей, это означает, что он хочет низвергнуть Бога с Его престола и поставить себя выше Бога в маленьком царстве человеческой души. Это по сути своей грех. Грехи могут увеличиваться в объеме, подобно песку на берегу моря, но в сущности это один грех. Грехи существуют, потому что есть грех. Это истинная причина, стоящая за много раз критикованным учением об изначальной развращенности человека; согласно этому учению, нераскаявшийся человек может только грешить, и все его добрые дела на самом деле вовсе не добрые. Лучшие религиозные труды человека Бог отвергает, как Он отверг жертвоприношение Каина. Только тогда, когда человек вернет Богу отнятый у Него престол, Бог будет принимать труды человека.

Усилия христианина, направленные на то, чтобы оставаться хорошим человеком, в то время как, подобно бессознательному моральному рефлексу, внутри него еще живет стремление к самоутверждению, красочно описано апостолом Павлом в седьмой главе его Послания к Римлянам, и его свидетельство полностью согласуется с учением пророков. За восемьсот лет до Рождества Христова пророк Исаия определил грех как бунт против воли Божьей и как утверждение права каждого человека идти туда, куда он хочет. «Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу» (Ис. 53:6). Думаю, что никто никогда не давал более точного описания греха.

Свидетельства святых полностью согласуются с тем, что было сказано пророком и апостолом: в основе человеческого поведения лежит внутренний принцип утверждения своего «я». и этот внутренний принцип превращает в зло все, что делают люди. Чтобы полностью спасти нас, Христос должен повернуть этот изгиб нашей природы в противоположном направлении; Он должен взрастить в нас новый принцип, чтобы дальнейшим нашим поведением руководило желание выдвигать на первый план славу Божью и благо других людей. Прежние грехи, происходящие из желания утвердить собственное «я», должны умереть, и убить их можно только с помощью креста.

«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16:24).

Так сказал наш Господь, а через несколько лет одержавший победу апостол Павел смог сказать: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Бог мой, неужели грех утвердит свою власть
И со всей своей дерзостью будет жить в моей душе!
Недостаточно того, что Ты простил,
Крест должен возвыситься, и «я» должно быть убито.

О Бог - воплощение любви, открой Твою силу:
Недостаточно того, что Христос воскрес из мертвых,
Я тоже должен стремиться к сияющим небесам
И воскреснуть из мертвых, как воскрес Христос.

Греческое церковное песнопение

Независимость Бога

Научи нас, о Боже, понимать, что Тебе ничего не нужно. Если бы Тебе было что-нибудь нужно, то это свидетельствовало бы о Твоем несовершенстве: а как мы можем поклоняться тому, кто несовершенен? Если Тебе ничего не нужно, то и никто не нужен Тебе, а если Тебе никто не нужен, то и мы Тебе не нужны. Ты ищешь нас, хотя и не нуждаешься в нас, потому что в Тебе мы живем, и движемся, и существуем. Аминь.

«Отец имеет жизнь в Самом Себе» (Ин. 5:26). И, что очень характерно для учения Христа, в этом коротком предложении Он высказал истину столь возвышенную, что она превосходит все достижения человеческой мысли. «Бог независим, — сказал Он, — Бог — это то, что Он есть в *Самом Себе*». Вот что в конечном счете означают эти слова.

Каким бы ни был Бог, Он существует в Самом Себе. Вся жизнь - в Боге и от Бога, независимо от того, низшие ли это Формы бессознательной жизни или высокосознательная, разумная жизнь серафима. Ни одно существо не живет само по себе: всякая жизнь — дар от Бога.

И, наоборот, жизнь Бога — это не чей-то дар. Если бы был кто-то другой, от кого Бог мог бы получить дар жизни или вообще какой-либо дар, то этот кто-то и был бы на самом деле Богом. Простой, но верный способ думать о Боге — это думать о Нем как о Том, у Кого есть все. Кто дает все, что можно давать, но Кто не получает ничего, что Он Сам бы прежде не дал.

Признать, что Бог в чем-то нуждается — это значит признать неполноту Божественного Существа. Нужда — это слово, относящееся к сотворенным существам, и оно не может относиться к Создателю. Бог по Своей собственной воле поддерживает отношения с теми, кого Он создал, но Он вовсе *не нуждается* в отношениях с кем-либо, кроме Самого Себя. Его интерес к тем, кого Он создал, происходит от Его беспредельной доброты, а не оттого, что сотворенные Им существа могут удовлетворить какую-либо Его нужду или могут что-то добавить к Его и так уже совершенной полноте и законченности.

И снова мы должны повернуть в обратном направлении привычный ход нашей мысли и понять то, что уникально, то, что единственно в своем роде, и то, что является истиной только в данной ситуации и ни в какой другой. Мы привыкли думать, что сотворенные существа в чем-то нуждаются. Ничто не имеет полноты в себе самом, и поэтому любое сотворенное существо нуждается в чем-то извне, для того чтобы существовать. Всем существам, которые дышат, нужен воздух; любому живому организму нужны пища и вода. Лишите Землю воздуха и воды, и вся жизнь мгновенно исчезнет. Можно утверждать как аксиому, что для существования любое сотворенное существо нуждается еще в чем-то сотворенном и что всему сотворенному нужен Бог. Только Богу ничего не нужно.

Река становится больше за счет своих притоков, но где тот приток, который мог бы увеличить Того, от Которого произошло все, и Чьей бесконечной полноте и законченности обязано своим существованием всякое существо?

Бездонное Море: вся жизнь — из Тебя,
И Твоя жизнь - Твое блаженное Единство.

Фредерик У. Фэйбер

Мыслящих людей до сих пор занимает вопрос: «Почему Бог сотворил Вселенную?»

Но если мы и не можем знать почему, мы, по крайней мере, знаем, что Он создал Свои миры не для того, чтобы удовлетворить какую-то Свою нужду, подобно тому как человек строит себе дом, чтобы защитить себя зимой от холода, или сеет хлеб, чтобы обеспечить себя пищей. Слово *нужно* совершенно чуждо Богу.

Поскольку Бог — существо, находящееся выше всего, из этого следует, что Он не может быть возвышен еще больше. Нет ничего, что было бы выше Него, что было бы над Ним. Для созданного Им существа любое движение по направлению к Нему — это подъем вверх, любое движение от Него — это спуск вниз. Он остается на Своем месте Сам по Себе, не получая на это ни у кого разрешения. Точно так же, как никто не может возвысить Его, никто не может Его принизить. В Писании сказано, что все подчиняется силе Его слова. Как Он может быть возвышен или подкреплён теми, кто находится в Его власти?

Если бы вдруг все люди ослепли, днем бы все равно светило солнце, а ночью — звезды, потому что солнце и звезды ничем не обязаны миллионам людей, пользующихся их светом. Точно так же, если бы вдруг все люди на земле стали безбожниками, это никоим образом не затронуло бы сущность Бога. Он — то, что Он есть, вне всякой зависимости от кого-либо другого. Вера в Него ничего не прибавляет к Его совершенству; сомнение в Его существовании ничего не отнимает у Него.

Всемогущему Богу, просто потому что Он всемогущ, не нужна никакой поддержки. Трудно представить себе нервного, заискивающего Бога, подлизывающегося к людям, чтобы завоевать их симпатии; но если мы посмотрим на представление многих людей о Боге, то увидим именно такую картину. Христианство XX века поставило Бога в зависимость от людской благотворительности. Мы такого высокого мнения о себе, что для нас легко, если не сказать приятно, верить в то, что мы необходимы Богу. Но истина в том, что наше существование не делает Бога более великим и, если бы мы вовсе не существовали, Он бы от этого менее великим не стал. Мы существуем благодаря свободной воле Бога, а не благодаря нашим заслугам и не благодаря тому, что Бог в нас нуждается.

Возможно, самая тяжелая для нашего природного эгоизма Мысль — это мысль о том, что Бог не нуждается в нашей помощи. Мы обычно представляем Его себе как занятого, нетерпеливого, в Чем-то неудачливого Отца, Который спешит найти кого-нибудь, кто помог бы Ему осуществить Его великодушный план достижения мира и спасения живущих на земле людей; но, как сказала леди Юлианна Норвичская, «воистину Бог делает все, и никогда этого не бывает мало».

Богу, Который создал все, не нужна помощь, не нужны помощники.

Слишком часто в миссионерских призывах Всемогущего Бога представляют в виде неудачника. Красноречивый оратор может легко вызвать у своих слушателей жалость не только к язычникам, но и к Богу, Который так долго старался спасти их, но Которому это не удалось, потому что Его не поддерживали. Я боюсь, что тысячи молодых людей начинают свое христианское служение, руководствуясь побуждениями не более возвышенными, чем желание помочь Богу найти выход из той неприятной ситуации, в которую Его завела Его любовь и из которой Он Сам не в силах выпутаться. Добавьте к этому некоторую долю достойного похвалы идеализма и

изрядное количество сочувствия к угнетенным, и вы поймете, что в действительности стоит за христианской активностью в подавляющем большинстве случаев.

А Богу не нужны защитники. Он вечно будет существовать без защитника.

Для того чтобы говорить с нами на языке, который мы могли бы понять, Бог в Священном Писании часто употребляет военные термины, но это делается вовсе не для того, чтобы мы подумали, что враги осаждают Его величественный престол и что святой Михаил с воинством небесным и с другими небесными существами отбивают яростную атаку противника. Думать так — это значит неправильно понимать все, что говорится в Библии о Боге. Ни иудаизм, ни христианство не одобрили бы таких ребяческих идей. Бог, Которого нужно защищать, — это тот, кто может помочь нам только тогда, когда кто-то помогает Ему. Мы можем рассчитывать на Него только в том случае, если Он одержит победу во вселенском сражении между добром и злом. Такой Бог не может вызвать уважения у разумного человека; Он может вызвать только жалость.

Чтобы иметь правильное представление о Боге, мы должны думать о Нем так, как Он того заслуживает. Наш моральный долг — удалить из нашего ума все недостойные представления о Боге и сделать так, чтобы Он был в наших умах таким же Богом, как и во Вселенной, которая сотворена Им. Христианская религия имеет дело и с Богом, и с человеком, но центральной фигурой в ней должен быть Бог, а не человек. Единственная претензия человека на какую-то важную роль заключается в том, что человек сотворен по образу и подобию Божьему; сам по себе человек — ничто. Авторы Псалмов и пророки Священного Писания с горькой иронией говорят о слабом человеке, дыхание которого — в его ноздрях, о человеке, который вырастает, как трава утром, только для того, чтобы быть скошенным и увянуть еще до захода солнца. В Библии подчеркивается, что Бог существует для Самого Себя, а человек — для славы Божьей. Высокие почести воздаются Богу сначала на небесах, а потом уже они должны воздаваться и на земле.

Если мы учтем все это, то мы, может быть, начнем понимать, почему в Священном Писании так много говорится о том, что вера жизненно важна, а неверие клеймится как смертный грех. Среди всех сотворенных существ никто не осмелится доверять самому себе. Только Бог доверяет Самому Себе; все остальные существа должны доверять Ему. Неверие — это на самом деле искаженная вера, ибо оно предполагает доверие не живому Богу, а смертным людям. Неверующий человек отрицает независимость Бога и приписывает себе те свойства, которых у него нет. Этот двойной грех оскорбляет Бога и в конце концов губит душу человека.

В Своей любви и жалости Бог пришел к нам как Христос. Об этом Церковь постоянно говорила со времен апостолов. Христианская вера закрепила это утверждение в учении о воплощении Вечного Сына. Однако в последнее время это стало означать нечто иное и нечто меньшее, чем это означало для первых христиан. Человек Иисус, такой, каким Он предстал во плоти, был приравнен к Божественной Сущности, и все Его человеческие слабости и ограничения были приписаны Богу. Истина в том, что Человек, Который ходил среди нас, являл Собой не лишённую покровов тайны Божественную Сущность, но совершенную человеческую сущность. Вызывающее благоговение величие Бога по милости Божьей было облачено в хрупкую оболочку человеческой природы для того, чтобы спасти человечество. Господь сказал Моисею на вершине горы: «Сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его и чтобы не пали многие из него» (Исх. 19:21). А затем сказал: «Лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33:20).

Современные христиане, похоже, знают Христа только во плоти. Они пытаются достичь единения с Ним, лишая Его пылающей святости и недостижимого величия — тех самых свойств, которые Он скрывал, будучи на земле, но принял во всей полноте славы, когда Он вознесся на небо и воссел справа от Своего Отца. Многие христиане представляют себе Христа с притворной улыбкой и с сиянием вокруг головы. Он в представлении этих людей стал Кем-то, Кто находится где-то наверху и любит людей, по крайней мере, некоторых людей, и эти люди благодарны Ему, но Он не производит на них особого впечатления. Если Он нужен им, то они тоже нужны Ему.

Давайте не будем думать, что правда о независимости Бога парализует христианскую активность. Скорее наоборот, она будет стимулировать все святые начинания. Эта правда — необходимый упрек человеческой самоуверенности, и в то же время, если на эту правду посмотреть с библейской точки зрения, она снимет с нашего ума тяжкий груз сознания того, что все мы смертны, и поможет нам принять легкое бремя Христа и посвятить себя по вдохновению от Святого Духа трудам во славу Божию и на благо человечества. Ибо благословенна весть о том, что Бог, Который не нуждается ни в ком, в Своей царственной снисходительности снизошел до того, что стал действовать через Своих послушных детей, в них и рядом с ними.

Если вам покажется, что в этих словах одно противоречит другому, — *Аминь*, да будет так. Различные элементы истины находятся в постоянном противоречии, иногда от нас требуется, чтобы мы поверили тому, что кажется прямо противоположным, ожидая того момента, когда мы будем знать о Боге, как Он знает о нас. Тогда истина, которая сейчас кажется противоречащей самой себе, возвысится в сияющем единстве, и мы увидим, что противоречие заключалось не в истине, а в нашем поврежденном грехом уме.

А пока для достижения внутреннего совершенства мы должны с любовью и покорностью исполнять заповеди Христа и вдохновенные указания Его апостолов.

«Бог производит в вас и хотение и действие» (Флп. 2:13).

Ему не нужен никто, но когда есть вера, *Он действует через любого человека*. В этом предложении два утверждения, и здоровая духовная жизнь требует, чтобы мы принимали их оба. Для целого поколения первое утверждение было почти полностью закрыто, и это нанесло нам глубокую душевную рану.

Источник добра, все благословения проистекают
Из Тебя; Твое совершенство не знает никакой нужды;
Что, кроме Самого Себя можешь Ты желать?
Но, будучи ни от кого не зависимым,
Ты все-таки желаешь иметь мое
ни к чему не пригодное сердце;
Это, и только это, Тебе нужно.

Иоганн Шеффер

Вечность Бога

Сегодня наши сердца с радостью признают то, что наш разум никогда не сможет полностью понять, даже Твою вечность, О Тот, Кто древнее всех дней. Разве Ты не из вечности, О Господь, мой Бог, мой Святой?

Мы поклоняемся Тебе, Отец Вечный, чьи годы не имеют конца; и Тебе, рожденному от Него Его возлюбленному Сыну, существующему с тех пор, как существует вечность; мы также признаем Тебя и поклоняемся Тебе, Вечный Дух, Который еще до сотворения мира жил и любил в равной славе с Отцом и Сыном. Расширь и очисти чертоги наших душ, чтобы они были достойным жилищем для Твоего Духа, Который всем храмам предпочитает праведное и чистое сердце. Аминь.

Концепция вечности возвышается над всей Библией подобно горной вершине и занимает очень важное место в ортодоксальном иудейском и христианском мышлении. Если бы мы отвергли эту концепцию, для нас стало бы совершенно невозможно снова думать так, как думали пророки и апостолы, потому что их мысли были наполнены долгими грезами о вечности.

Поскольку авторы Священного Писания иногда употребляли слово «вечный» всего лишь для обозначения чего-то древнего (как, например, в выражении «холмы вечные» (Быт. 9:26), некоторые утверждают, что эти авторы вовсе не имели в виду концепцию бесконечного существования, когда употребляли это слово, и что эта концепция была лишь впоследствии изобретена богословами. Это, конечно, серьезная ошибка, и, насколько я понимаю, она не имеет под собой серьезного научного обоснования. Некоторые учителя использовали это утверждение для того, чтобы уйти от доктрины вечного наказания. Они отвергали вечность морального воздаяния и, чтобы быть последовательными, вынуждены были ослаблять всю идею бесконечности. Это не единственный пример, когда пытаются погубить истину, чтобы заставить ее замолчать, чтобы она не стала реальным опровержением ошибки.

Истина в том, что если бы Библия не учила, что Богу свойственно бесконечное существование в том смысле, который предполагает основное значение этого термина, мы вынуждены были бы сделать вывод об этом, исходя из других Его свойств, и если бы в Священном Писании не было слова, обозначающего абсолютную бесконечность, нам нужно было бы придумать новое слово для выражения этого понятия, потому что это понятие предполагается, подразумевается и воспринимается как нечто само собой разумеющееся во всем тексте Священного Писания, написанного по Божьему вдохновению. Для Царства Божьего мысль о бесконечности — это то же самое, что углерод для царства природы. Подобно тому как углерод присутствует повсюду, является составляющей всей живой материи и снабжает все живое энергией, понятие бесконечности необходимо для придания смысла христианскому учению. Поистине я не знаю ни одного догмата христианской веры, который сохранил бы свое значение, если бы из него была удалена идея вечности.

«И от века и до века Ты — Бог» (Пс. 89:3), — сказал Моисей в Духе. «От исчезающей вдали точки до исчезающей вдали точки», — можно было бы сказать это другими словами, но в полном соответствии с тем, что сказал Моисей. Наш ум смотрит назад во времени до тех пор, пока едва различимое прошлое не исчезнет вдали, а затем

поворачивается и смотрит в будущее до тех пор, пока не будут исчерпаны мысль и воображение; а Бог находится и в той, и в другой точке и не зависит ни от той, ни от другой. Время отмечает начало существования того, что было сотворено, а поскольку Бог никогда не начинал Своего существования, время не может быть применено по отношению к Нему. Слово «начал» относится ко времени, и оно не может характеризовать личность Возвышенного Бога, Который обитает в вечности.

Никакой возраст не может взвалить на Тебя свои годы;
Дорогой Боже! Ты есть Сам Твоя собственная вечность.

Фредерик У. Фэйбер

Поскольку Бог живет в вечном настоящем, у Него нет ни прошлого, ни будущего. Когда в Священном Писании упоминаются слова, обозначающие время, они относятся к нашему времени, а не к Его времени. И когда четыре существа перед престолом кричат днем и ночью: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Отк. 4:8), они соотносят Бога с потоком жизни сотворенных Им существ, для которой характерны прошлое, настоящее и будущее — знакомые нам категории времени; и это верно, потому что Бог по Своей царственной воле захотел, чтобы Его соотносили со временем. Но поскольку Бог не был сотворен, Его Самого не касаются следующие друг за другом изменения, которые мы называем «временем».

Бог обитает в вечности, но время обитает в Боге. Он уже прожил все наши завтрашние дни, как прожил Он все наши вчерашние дни. Здесь нам поможет иллюстрация, приведенная К. С. Льюисом. Он предлагает нам представить себе бесконечно протяженный в пространстве лист бумаги. Это будет вечность. Затем на этой бумаге проведите короткую линию, которая будет обозначать время. Подобно тому как линия Начинается и кончается на бесконечно протяженной поверхности, время началось в Боге и закончится в Нем.

Не так уж трудно представить себе, что Бог появляется в начале времени, но не так уж легко понять, как Он может *одновременно* появляться и в начале, и в конце времени; но это именно так. Время знакомо нам по последовательности событий. Таким образом мы описываем изменения, происходящие друг за другом во Вселенной. Изменения происходят не одновременно, а в какой-то последовательности, одно после другого, и наше представление о времени складывается на основе связи между событиями по принципу «до» и «после». Мы ждем, что солнце будет двигаться с востока на запад или что стрелка часов будет двигаться по циферблату, но Богу вовсе не нужно этого ждать. Для Него все, что случится, уже случилось. Именно поэтому Бог может сказать: «Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце» (Ис. 46:9-10).

Он видит конец и начало одним взглядом. «Ибо вечная продолжительность, которая является самой вечностью, включает всю последовательность, — говорит Николай Кузанский, — и все, что кажется нам последовательностью, существует не после Твоего замысла, который есть вечность... Так, поскольку Ты — Всемогущий Бог, Ты обитаешь в огороженном стеной Раю, и в этой стене более позднее соединяется в одно целое с более ранним, конец — с началом, здесь Альфа и Омега — одно и то же. ... Ибо СЕЙЧАС и ТОГДА соединяются в круге стены Рая. Но, Боже мой, абсолютный и вечный, Ты существуешь и произносишь Свои слова за пределами настоящего и прошлого».

Будучи уже старым человеком, Моисей написал тот Псалом, который я уже цитировал. В этом Псалме он прославляет вечность Бога. Для него эта истина — богословский факт, столь же твердый и несокрушимый, как гора Синай, которая была

ему так хорошо знакома. И для него из этой истины вытекало два практических вывода: поскольку Бог вечен. Он может быть и всегда будет единственным надежным пристанищем для Своих гонимых временем детей.

«Господи! Ты нам прибежище в род и род» (Пс. 89:2).

Второй вывод менее утешителен: вечность Бога столь продолжительна, а наши годы на земле столь немногочисленны, как же нам тогда утвердить то, что сделано нашими руками? Как нам избежать разрушительного действия событий, которые изнуряют нас и уничтожают? Бог наполняет Собой этот Псалом и доминирует в нем, поэтому именно к Нему Моисей обращается со своим прошением: «Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое» (Пс. 89:12).

Пусть не напрасно будет мне дано знание Твоей вечности!

Нам, живущим в этот нервный век, было бы разумно думать о нашей жизни и о наших днях долго и часто перед лицом Бога и на краю вечности. Ибо мы созданы для вечности точно так же, как мы созданы для времени, и, будучи ответственными моральными существами, мы должны иметь дело и с тем и с другим.

«...и вложил мир в сердце их», — сказал проповедующий (Екк. 3:11), и я думаю, что здесь говорится и о славе людей, и о их несчастьях. Быть созданным для вечности и вынужденным обитать во времени — это великая трагедия человечества. Все внутри нас требует жизни и постоянства, а все вокруг нас напоминает нам о том, что мы смертны и изменяемы. Но то, что Бог сделал нас из вечного материала, — это и слава, и пророчество, слава, которая будет еще реализована, и пророчество, которое еще сбудется.

Я надеюсь, что меня не обвинят в том, что я напрасно повторяю одно и то же, если я снова вернусь к одной из важнейших основ христианского богословия — к образу и подобию Бога в человеке. Знаки образа и подобия Бога настолько затемнены грехом, что их нелегко обнаружить, но не будет ли вполне разумно предположить, что одним из этих знаков является неутолимое стремление человека к бессмертию?

Ты не оставишь нас во прахе:
Ты создал человека, но он не знает почему;
Он думает, что создан не для того, чтобы умереть.
Ведь Ты создал его: Ты справедлив.

Так рассуждает Теннисон, и инстинкты, скрытые в самой глубине нормального человеческого сердца, вынуждают нас согласиться с ним. Древние образ и подобие Бога шепотом говорят внутри каждого человека о бесконечной надежде; где-то человек будет продолжать свое существование. И все-таки он не может радоваться, ибо свет, который освещает каждого человека, проходящего в этот мир, тревожит его совесть, пугает доказательствами вины и подтверждением приближающейся смерти. Так что человек оказывается между двумя жерновами: верхним жерновом надежды и нижним жерновом страха.

И тут как раз кстати появляется Благая весть христианства.

«...Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление чрез благовестие» (2 Тим. 1:10).

Так писал величайший из христиан как раз перед тем, как выйти навстречу палачу, который должен был казнить его. Вечность Бога и то, что человек смертен,

убеждают нас, что вера в Иисуса Христа вовсе не является чем-то необязательным. Для каждого человека это должен быть или Христос, или вечная трагедия. Из вечности наш Господь пришел во время для того, чтобы спасти Своих братьев-людей, чье моральное безумие сделало их не только глупцами в этом преходящем мире, но также рабами греха и смерти.

Здесь нам дана короткая жизнь,
Недолгая печаль, недолгая забота;
Жизнь, которая не знает конца,
Жизнь без слез — там.
Там Бога — нашего Царя и Повелителя,
Во всей полноте Его славы
Мы тогда будем вечно видеть,
И будем поклоняться Ему, стоя с Ним
лицом к лицу.

Бернард Клютийский

Бесконечность Бога

Отец наш Небесный, дай нам увидеть Твою славу, пусть лишь из расщелины скалы и под прикрытием Твоей руки. Чего бы это нам ни стоило: пусть мы потеряем друзей, пусть мы потеряем наше состояние, пусть жизнь наша станет короче, но дай нам знать Тебя таким, Какой Ты есть, чтобы мы могли поклоняться Тебе так, как Ты этого заслуживаешь. Во имя Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Мир озлоблен, наступают последние времена, и слава Божья покинула Церковь, подобно тому как огненное облако когда-то поднялось над входом в Храм в видении пророка Иезекииля.

Бог Авраама удалился от нас, мы перестали ощущать Его присутствие среди нас; вместо Него среди нас утверждается Другой бог, которого не знали наши отцы. Этого бога создали мы, и он близок нам и понятен, поскольку мы сами его создали; он - наше творение, он никогда не удивляет, никогда не ошеломляет, никогда не изумляет и никогда не превосходит нас.

Бог во славе Своей открывался людям подобно солнцу, Чтобы обогреть и благословить, но часто, прежде чем исцелить и даровать вечное прозрение, Он изумляет, ошеломляет. Этот Бог наших отцов хочет быть и Богом следующего поколения. Нам только нужно подготовить для Него жилище в любви, в вере и в смирении. Нам только нужно очень захотеть, чтобы Он пришел, и Он придет и откроется нам.

Может быть, нас убедят слова святого и мудрого человека? Послушайте, что говорит святой Ансельм, или, еще лучше, задумайтесь над его словами:

«Поднимись, ничтожный человек! Оставь ненадолго свои дела; спрячься ненадолго от беспокоящих тебя мыслей. Отложи в сторону свои обременительные заботы и оставь свои тяжкие труды. Ненадолго выдели место для Бога и отдохни немного в Нем. Войди во внутренние покои твоего разума, закрой дверь для всех мыслей, кроме мыслей о Боге и тех мыслей, которые помогают тебе искать Его. И теперь говори всем сердцем! Говори теперь Богу: «Я ищу лица Твоего, Твоего лица, Господь, буду я искать».

Из всего, что можно подумать или сказать о Боге, наиболее трудна для понимания Его бесконечность. Даже если попытаться представить ее себе, то покажется, что одно здесь противоречит другому, ибо такое умозаключение требует от нас, чтобы мы пришли к известному нам выводу, взяв за основу то, чего нам никогда не дано постигнуть. И все же мы должны попытаться сделать это, ибо Священное Писание учит, что Бог бесконечен, и если мы признаем другие Его свойства, мы обязательно должны признавать и это.

Вступив на путь познания бесконечности Бога, мы не должны сходить с этого пути, несмотря на все трудности и отсутствие технических приспособлений, которые помогли бы нам при подъеме. Это путешествие не для наших ног, а для нашего сердца. С высоты все видно гораздо лучше, поэтому давайте искать такие «возвышенности мысли и вершины ума», которые Бог соизволит даровать нам, зная при этом, что

Господь часто дает зрение слепым и шепчет на ухо грудным младенцам истины, о которых не могут мечтать мудрые и рассудительные люди. Теперь слепые увидят и глухие услышат. Теперь мы должны ожидать, что получим спрятанные во тьме сокровища и скрытые в тайниках богатства.

Бесконечность означает безграничность, и поэтому очевидно, что ограниченный ум не может постичь безграничное. О глубины и богатства мудрости Божьей и знания Божьего! Как непостижимы Его суждения и как неисповедимы Его пути!

Как я уже говорил, мы пытаемся представить себе способ существования, полностью чуждый нам и совершенно не похожий ни на что, что мы знаем в знакомом нам мире материи, пространства и времени.

«Здесь и во всех наших размышлениях о качествах и о сущности Бога, — пишет Новатиан, — мы переходим границы нашего понимания, и никакое человеческое красноречие не может быть соизмеримо с Его величием. При созерцании Его величия и при упоминании о Его величии всякое красноречие просто замолкает и любое усилие мысли теряет силу. Ибо Бог более велик, чем сам разум. Его величие нельзя постичь. Если бы мы могли постичь Его величие, Он был бы ничтожнее человеческого ума, способного формировать понятия. Он более велик, чем любой язык, и никакими словами Его нельзя выразить. Поистине, если бы Его можно было выразить словами, Он был бы ничтожнее человеческой речи, которая могла бы с помощью этих слов сделать понятным и сформулировать то, чем Он является. Все наши мысли о Нем будут ничтожны по сравнению с Ним, все наши самые возвышенные слова будут банальностями по сравнению с Ним».

К сожалению, слово *бесконечный* не всегда понимают в его точном значении, а неосторожно используют, просто имея в виду что-то *большое* или *огромное*, как, например, когда мы говорим, что художник затрачивает бесконечно огромные усилия для того, чтобы написать картину, или что учительница проявляет бесконечное терпение, работая со своим классом. Если употреблять это слово в правильном значении, то оно не может относиться к сотворенным существам и вообще ни к кому, кроме Бога. Поэтому споры о том, бесконечен ли космос, — это лишь пустая игра слов. Бесконечностью обладает только Один. Другого быть *не* может.

Когда мы говорим, что Бог бесконечен, мы имеем в виду, что Он *не знает границ*. Все, чем является Бог, и все, что является Богом, не имеет пределов. И здесь опять нам приходится отступать от общепринятых значений слов. «Безграничное богатство» и «не знающая границ энергия» — это еще два примера неправильного использования слов. Конечно, никакое богатство не может быть безграничным и никакая энергия не может не знать границ, если только мы не говорим о богатстве и энергии Бога.

А если сказать, что Бог бесконечен, то это значит, что Он не поддается *измерению*. Измерение — это способ, с помощью которого созданные Богом существа ведут счет друг другу. Этот способ описывает ограничения и несовершенства, и он не может быть применен по отношению к Богу. Вес выражает силу притяжения землей материальных тел; расстояние выражает промежуток между телами в пространстве; длина выражает протяженность в пространстве; есть и другие знакомые нам измерения, применяемые по отношению к жидкости, к энергии, к звуку, к свету и к количеству. Мы также пытаемся измерить абстрактные величины и говорим о великой или малой вере, о высоком или низком интеллектуальном уровне, об огромном или незначительном таланте.

Неужели не ясно, что все это не применимо и не может быть применимо по отношению к Богу? Таким путем мы воспринимаем творения Его рук, но не Его Самого. Он выше всего этого, в стороне от всего этого и за пределами всего этого.

Наши представления об измерении включают горы и людей, атомы и звезды, силу тяжести, энергию, цифры, скорость, но только не Бога. Мы не можем говорить об определенном размере или об определенном весе и в то же время говорить о Боге, ибо это подразумевает измеряемые величины, а у Бога нет ничего измеряемого. Все, чем Он является, — это Он, и ничто в Нем не может возрасти или развиваться, и ничто не может быть к Нему добавлено. В Боге нет понятий «меньше» или «больше», «большой» или «маленький». Он — это Он в Самом Себе, и Его нельзя описать ни с помощью мыслей, ни с помощью слов. Он — просто Бог.

В вызывающей благоговение бездне Божественного Существа могут быть многие атрибуты, о которых мы ничего не знаем и которые могут вовсе не иметь для нас значения, подобно тому как милосердие и милость не имеют значения лично для серафимов и херувимов. Эти святые существа, может быть, и знают об этих атрибутах Бога, но не могут испытать их на себе, потому что они не грешили и поэтому не могут взывать к милосердию и милости Бога. Точно так же могут быть (и я уверен, что есть) другие аспекты сущности Бога, которые не были открыты даже Его детям, которых Он выкупил такой дорогой ценой и осветил присутствием Святого Духа. Эти скрытые грани Божественной природы касаются Его отношений только к Нему Самому. Они подобны другой стороне Луны, о существовании которой мы знаем, хотя ее никто не исследовал. Она не имеет непосредственного значения для людей, живущих на Земле. Нам незачем пытаться открыть то, что не было нам явлено. Достаточно знать, что Бог есть Бог.

Вечно наполняя Себя
Самовозгорающимся пламенем,
Ты в Самом Себе обнаруживаешь
Стремления, не имеющие названия!
Без поклонения существ, сотворенных Тобой,
Без покрова, который закрывал бы Твои черты,
Бог всегда один и тот же!

Фредерик У. Фэйбер

Но бесконечность Бога принадлежит нам, и она стала известна нам для того, чтобы мы вечно могли извлекать из нее пользу. И все таки *что* же она значит для нас, кроме чуда размышления о ней? В любом случае — очень многое, и все больше и больше, по мере того как мы больше узнаем о самих себе и о Боге.

Поскольку природа Бога бесконечна, все, что проистекает из нее, также бесконечно. Мы — несчастные люди, постоянно страдаем от ограничений, налагаемых на нас снаружи и изнутри. Жизнь наша коротка и быстротечна. Жизнь — это короткая и мучительная репетиция перед концертом, на котором нам так и не суждено выступить. Как только покажется, что нам удалось достичь какой-то степени исполнительского мастерства нас вынуждают отложить в сторону наши инструменты. Просто нет времени обдумать, реализовать и исполнить то, на что, как показывает нам наша природа, мы способны.

И какое глубокое удовлетворение испытываем мы, когда, отвернувшись от наших ограничений, мы поворачиваемся к Богу, у Которого никаких ограничений нет. В Его сердце - вечность. Для Него время не идет, а стоит на месте; а те, кто пребывает во Христе, разделяют с Ним богатство неограниченного времени и вечности. Бог никогда не спешит. Нет срока, к которому Он должен выполнить Свою работу. Одно лишь знание об этом успокаивает наш дух и ослабляет напряжение наших нервов. Для тех, кто не признает Христа, время - прозорливый зверь, для сынов нового творения

время — ласковый зверек, который прижимается к их ногам, мурлычет и лижет им руки. Враг ветхого человека становится другом нового человека, и звезды, двигаясь по небу, борются за человека, которому Бог рад воздавать почести. Вот что мы можем узнать из бесконечности Бога.

Но есть и еще кое-что. Дары Божьи в природе имеют свои ограничения. Они конечны, потому что они были сотворены, но дар вечной жизни во Христе Иисусе столь же безграничен, как и Бог. Христианин имеет жизнь Самого Бога и разделяет с Ним Его бесконечность. В Господе достаточно жизни для всех и достаточно времени для того, чтобы получить радость от этой жизни. То, что относится к естественной жизни, проходит свой цикл от рождения до смерти и перестает существовать, но Божья жизнь возвращается к самой себе и никогда не прекращается. И это вечная жизнь — знание единого истинного Бога и Иисуса Христа, Которого Он послал.

Милость Божья тоже бесконечна, и человек, который чувствовал когда-нибудь мучительную боль от осознания своей вины, знает, что это не просто слова.

«А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5:20).

Умножающийся грех — это страх для мира, но преизобилующая благодать — надежда человечества. Как бы ни умножался грех, он имеет пределы, ибо он — произведение ограниченных умов и сердец, но Божья преизобилующая благодать приводит нас к бесконечности. Болезни, скрытой в глубине Божьих творений, противостоит бесконечная способность Бога исцелять.

В течение столетий христианство свидетельствует о том, что «так возлюбил Бог мир» (Ин. 3:16), и нам остается только посмотреть на эту любовь в свете бесконечности Бога. Его любовь нельзя измерить. Более того, она безгранична. Она не имеет границ, потому что это не вещь, а одна из граней самой натуры Бога. Его любовь — это нечто такое, что есть Он Сам, и, поскольку Он бесконечен, эта любовь может объять весь сотворенный мир, и в ней еще останется место для десяти тысяч раз по десять тысяч таких миров.

Вот, вот Бог, Которому мы поклоняемся,
Наш верный, наш неизменный Друг,
Чья любовь столь же велика, как и Его сила,
И ни Его любовь, ни Его сила не знают ни меры,
ни конца.

Это Иисус, первый и последний,
Чей Дух приведет нас невредимыми домой;
Мы восхваляем Его за все то, что было в прошлом,
И, надеясь на Него, смотрим в будущее.

Джозеф Харт

Неизменность Бога

О Христос, наш Господь, Ты был нашей обителью во всех поколениях. Как дикие кролики на свою скалу, мы бежим к Тебе, чтобы быть в безопасности; как птицы из своих странствий, мы летим к Тебе, чтобы получить покой. В этом маленьком мире природы и людей так многое зависит от случайностей и перемен, но в Тебе мы не найдем ни тени перемен. Ты неизменен. Мы пребываем в Тебе без страха или сомнения, и мы смотрим в наше завтра без тревоги. Аминь.

Неизменность Бога относится к тем свойствам, которые не столь сложно понять, но для того, чтобы постичь неизменность Бога, мы должны приучить себя отделять те обычные мысли, с помощью которых мы думаем о сотворенных существах, от тех редких мыслей, которые появляются, когда мы пытаемся постичь то, что можно постичь в Боге.

Сказать, что Бог неизменен, — это значит сказать, что Он никогда не отличается от Самого Себя. В Священном Писании нет понятия роста или развития Бога. Мне кажется, что невозможно подумать о том, что Бог может как-то отличаться от Самого Себя. И вот почему.

Для того чтобы моральное существо изменилось, нужно, чтобы изменение произошло в одном из трех направлений. Оно должно измениться от лучшего к худшему или от худшего к лучшему; или, если допустить, что моральное качество останется без изменений, то изменение должно происходить внутри самого морального существа как от незрелого к зрелому или от одного порядка к другому порядку. Ясно, что Бог не может двигаться ни в одно м из этих направлений. Его совершенство навсегда отрицает подобную возможность.

Бог не может изменяться к лучшему, поскольку Он совершенно свят. Он никогда не был менее свят, чем теперь, и никогда не сможет быть более святым, чем теперь и чем всегда. Не может Бог изменяться и к худшему. Любое изменение к худшему в несказанно святой натуре Бога невозможно. Я считаю, что недопустима даже сама мысль об этом, ибо в тот же момент, когда мы попытаемся это сделать, объект наших мыслей станет уже не Богом, а чем-то другим, чем-то меньшим, чем Бог. Тот, о ком мы можем так подумать, может быть великим и внушающим благоговение сотворенным существом, но, будучи сотворенным существом, он не может быть Творцом, Который существует Сам по Себе.

Поскольку не может быть изменений в моральной натуре Бога, не может быть изменений и в Божественной Сущности. Бытие Бога уникально в единственно правильном значении! этого слова: Его бытие — это иное бытие, не похожее на бытие других существ. Мы уже увидели, как Бог отличается от сотворенных Им существ тем, что Он существует Сам в Себе, независимо ни от кого и вечно. Тот, кто подвергся пусть даже самому незначительному изменению, уже не существует сам в себе, независимо от других и вечно, а следовательно, не является Богом.

Изменяться может только существо, состоящее из отдельных частей, ибо изменение - это обычно сдвиг в отношениях между частями целого или внедрение какого-либо постороннего элемента в первоначальную структуру. Поскольку Бог

существует Сам в Себе, Он не состоит из отдельных частей. В Нем нет частей, которые могли бы изменяться. А поскольку Он независим, ничто не может прийти в Него извне.

«Все, что состоит из частей, — пишет святой Ансельм, — это не совсем единственное, а в некотором роде множественное и отличающееся от самого себя; и либо фактически, либо теоретически оно может разделиться на части. Но все это чуждо Тебе, лучше Которого ничего невозможно придумать. Следовательно, в Тебе нет частей. Господь, и Ты не более чем один. Но Ты настолько истинно единое существо и настолько Ты идентичен Самому Себе, что Ты ни в чем не можешь быть непохожим на Себя. Скорее Ты — само единство, которое не может быть разделено даже теоретически».

«Все, что является Богом, было Им всегда, и всем, чем Он был. Он будет всегда». Ничто из того, что Бог когда-либо сказал о Себе, не будет изменено; ничто из того, что сказали по вдохновению свыше пророки и апостолы о Нем, не будет отменено. Его неизменность гарантирует это.

Неизменность Бога является во всей своей совершенной красоте, если сравнивать ее с изменчивостью человека. В Боге невозможны никакие изменения; человеку изменений просто невозможно избежать. Ни человек, ни его мир не стоят на месте, а находятся в постоянном движении. Каждый человек появляется ненадолго для того, чтобы смеяться и плакать, работать и играть, а потом уйти и освободить место тем, кто последует за ним в этом непрекращающемся цикле.

Некоторые поэты находили болезненное удовольствие в этом законе непостоянства и в минорном ключе пели песнь о вечных изменениях. Одним из тех, кто с пафосом и юмором воспевал изменчивость и смерть — две болезни, которым подвержено человечество, был Омар Хайям. «Не обращай так грубо с глиной, — увещевает он гончара, — может быть, то, с чем ты так свободно работаешь, — это прах твоего деда». «Когда ты поднимаешь чашу, чтобы выпить красное вино, — напоминает он веселящемуся на пиру, — ты, может быть, целуешь губы какой-нибудь давно умершей красавицы».

Этот оттенок приятной грусти, выраженной с мягким юмором, придает сияющую красоту его четверостишиям, но как бы ни были они прекрасны, вся эта поэзия поражена болезнью, и болезнь эта смертельна. Подобно птице, очарованной змеей, которая собирается ее проглотить, поэт восхищен врагом, который губит его, и всех людей, и каждое поколение людей.

Авторы Священного Писания тоже сталкивались с изменчивостью человека, но они — здоровые люди, и в их словах — здоровая сила. Они нашли лекарство от этой великой болезни. Они говорят, что Бог не изменяется. Закон изменений принадлежит впадшему в грех миру, но Бог неизменен, и в Нем верующие люди наконец находят вечное постоянство. А пока изменения работают на детей Царства, а не против них, так, как привнесены они живущим в них Духом. «Мы же все, — говорит апостол Павел, — открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18).

В мире изменений и разрушений даже верующий человек не может быть полностью счастливым. Инстинктивно он ищет неизменяемого и испытывает чувство тяжелой утраты, когда его покидает то, что было ему дорого и знакомо.

О Господь! Мое сердце болит.
Болит от этих вечных изменений;
И жизнь проходит утомительно и быстро
Для не знающих отдыха людей, какими бы
разными они ни были.

В Тебе нет ничего подобного,
Даже эхо изменений не звучит
в тишине Твоей Вечности.

Фредерик У. Фэйбер

Эти слова Фэйбера находят отклик в каждом сердце; и все-таки, как бы мы ни оплакивали отсутствие стабильности во всем земном, в этом впавшем в грех мире даже сама *способность* к переменам — величайшее сокровище, величайшей ценности дар Божий, за который мы должны Его постоянно благодарить. Для людей вся возможность искупления грехов — в их способности к переменам. Был человек одним и стал другим — вот сущность покаяния: лжец становится правдивым, вор становится честным, распутный становится чистым, гордый — смиренным. Изменяется вся моральная структура жизни. Мысли, желания, чувства трансформируются, и человек — уже не тот, кем он был прежде. Это изменение настолько радикально, что апостол называет прежнего человека «ветхим», а измененного человека «новым», «который обновляется в познании по образу Создавшего его» (Кол. 3:10).

Однако эта перемена глубже и существеннее, чем показывают внешние поступки человека, потому что она свидетельствует о принятии жизни иного, более высокого качества. Ветхий человек в лучшем случае имеет жизнь Адама, новый человек имеет жизнь Бога. И это не просто слова, их следует понимать буквально, и они являются истиной. Когда Бог вливает вечную жизнь в дух человека, для человека начинается новое существование, существование более высокого порядка.

Осуществляя процесс искупления, неизменный Бог в полной мере использует изменения и через последовательный ряд изменений наконец приводит к постоянству. Наиболее ясно это показано в Послании к Евреям: «Отменяет первое, чтобы постановить второе» (Евр. 10:9). В этих словах своего рода краткое изложение всего, чему учит эта замечательная книга. Ветхий завет как нечто временное был отменен, и его место занял новый и вечный завет. Кровь козлов и быков потеряла свое значение, когда пролилась кровь Пасхального Агнца. Закон, алтарь, священство — все это было временным и подверженным переменам; теперь вечный Божий закон навсегда написан на живом и чувствующем веществе, из которого состоит человеческая душа. Древней святыни больше нет, но на небесах есть новая вечная святыня, и там — Сын Божий в Своем вечном священстве.

Здесь мы видим, как Бог использует перемены, словно покорного слугу, для того чтобы благословить людей, грехи которых Он искупил, но Сам Он остается вне закона перемен, и никакие изменения, происходящие во Вселенной, не затрагивают Его.

И все, что изменяется, свидетельствует о том,
Что Господь во веки веков один и тот же.

Чарлз Уэсли

И снова встает вопрос о пользе. «А какая мне польза от того, что я знаю о неизменности Бога? — может спросить кто-нибудь. - Может быть, все это вообще метафизическое рассуждение? Нечто такое, что, может быть, и приносит удовлетворение людям определенного склада ума, но не имеет реального значения для практического человека?»

Если под «практичными людьми» подразумевать неверующих людей, поглощенных светскими делами и безразличных к призывам Христа, к благополучию своих собственных душ и к интересам грядущего мира, то для них такая книга, как эта, не имеет вовсе никакого значения; к сожалению, для них не может иметь никакого

значения любая книга, в которой всерьез говорится о религии. Но даже если таких людей и большинство, они не составляют все население Земли. Еще есть те семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Ваалом. Они верят, что созданы для того, чтобы служить Богу и вечно радоваться Его присутствию, и они рады узнать все, что только можно о Боге, с Которым они надеются быть целую вечность.

В этом мире, где люди забывают нас, если им это диктуют их личные интересы, по малейшему поводу изменяют свое отношение к нам и свое мнение о нас, разве не будет для нас источником чудесной силы знание о том, что Бог, Который у нас есть, не изменяется? Что Его отношение к нам такое же, каким оно было вечность назад, и такое же, каким оно будет в грядущей вечности?

Какое спокойствие приносит в душу христианина понимание, что его Отец Небесный никогда не отличается от Самого Себя! В какое бы время мы ни пришли к Нему, нам не нужно задумываться над тем, будет ли Он в соответствующем настроении, чтобы принять нас. Он всегда откликнется на горе и нужду, а также на любовь и веру. У Него нет приемных часов и часов, когда не пускают посетителей. И Он не изменяет Свое мнение ни о чем. Сегодня, в этот момент. Он испытывает к Своим созданиям, к детям, больным, падшим, грешным те же самые чувства, которые Он испытывал, когда послал в мир Своего единственного Сына, чтобы Он умер за человечество.

У Бога никогда не меняется настроение, никогда не ослабевают привязанности и никогда не пропадает энтузиазм. Его отношение к греху сейчас такое же, каким было тогда, когда Он выгнал грешного человека из Эдема, а Его отношение к грешнику сейчас такое же, каким было тогда, когда Он протянул обе руки и сказал: «Прийдите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28).

Бог не пойдет на компромисс, и Его не нужно задабривать. Его нельзя уговорить, чтобы Он изменил Свое слово или чтобы Он ответил на эгоистическую молитву. Во всех наших попытках найти Бога, угодить Ему, общаться с Ним мы должны помнить, что изменения возможны только с нашей стороны. «Я — Господь, Я не изменяюсь» (Мал. 3:6). Нам только нужно выполнять те условия, которые Он ясно сформулировал, привести нашу жизнь в соответствие с Его волей, которую Он открыл нам, и Его бесконечная сила будет действовать на наше благо, как о том говорится через Благою весть в Священном Писании.

Источник бытия! Источник Добра!
Ты остаешься неизменным!
Даже тень изменения не может
Затмить славы Твоего царствования.

Земля со всей ее властью может распасться,
Если на это будет воля великого Творца;
Но Ты вовек тот же самый,
Я ЕСМЬ - это слова, которыми Ты по-прежнему
напоминаешь о Себе.

Песнопение из собрания Уокера

Божественное всеведение

Господь, Ты знаешь все; Ты знаешь о моих падениях и о моих подъемах, и Тебе ведомы все мои пути. Я не могу сообщить Тебе ни о чем, и напрасно пытаюсь скрыть что-то от Тебя. В свете Твоего совершенного знания я буду казаться неумелым, как малое дитя. Помоги мне отложить в сторону всякую заботу, ибо Ты знаешь, каким путем мне идти, и когда Ты очищаешь меня, я становлюсь, как чистое золото. Аминь.

Сказать, что Бог знает все, — это значит сказать, что Он обладает совершенным знанием, и поэтому Ему не нужно ничего изучать. Но более того, это значит сказать, что Бог никогда не учился и Ему незачем учиться.

Священное Писание учит нас, что Бог никогда ни у кого не учился. «Кто уразумел дух Господа, и был советником у Него и учил Его? С кем советуется Он, и кто вразумляет Его, и наставляет Его на путь правды, и учит Его знанию, и указывает Ему путь мудрости?» (Ис. 40:13-14). «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11:34). Эти риторические вопросы, заданные пророком Исайей и апостолом Павлом, подтверждают, что Бог никогда не учился.

От этого только один шаг к выводу, что Богу незачем учиться. Если бы Бог когда-нибудь и как-нибудь мог получать знания, которыми Он бы не обладал, и не обладал бы вечно, Он был бы несовершенным, чем-то меньшим, чем то, что Он есть. Подумать о том, что Бог может сидеть у ног какого-то учителя, пусть даже этот учитель-архангел или серафим, — это значит подумать о ком-то другом, а не о Всевышнем, Творце небес и земли.

Я думаю, что подход к Божественному всеведению «от противоположного» вполне оправдан в данных обстоятельствах. Поскольку наше интеллектуальное знание о Боге мало и неопределенно, мы иногда значительно продвигаемся в наших усилиях понять, что такое Бог, думая о том, чем Он *не* является. И поэтому в процессе этого изучения атрибутов Бога мы были вынуждены часто использовать отрицание. Мы увидели, что у Бога нет происхождения, что у Него нет начала, что Ему не нужны помощники, что Он не претерпевает никаких изменений и что в Его драгоценном существовании нет никаких пределов.

Эта попытка объяснить людям, что такое Бог, показав им то, чем Он не является, используется и получившими Божье вдохновение авторами Священного Писания. «Разве ты не знаешь? Разве ты не слышал, — взывает пророк Исайя, — что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает?» (Ис. 40:28). А краткое утверждение Самого Бога «Я — Господь, Я не изменяюсь» (Мал. 3:6) говорит нам о Божественном всеведении больше, чем может сказать трактат, состоящий из десяти тысяч слов и составленный так, что в нем нет никакого отрицания. Апостол Павел с помощью отрицания говорит о правдивости Бога: «...неизменный в слове Бог» (Тит. 1:2), а когда ангел утверждает, что «у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лк. 1:37), два отрицания перерастают в утверждение.

Не только Писание учит, что Богу ведомо все, об этом можно узнать и из всего остального, что говорится о Боге. Бог в совершенстве знает Самого Себя, и поскольку Он — источник и творец всего, из этого следует, что Он знает все, что можно знать. И Он знает это с самого начала и со всей полнотой совершенного знания, которое

включает каждую возможную частицу знания обо всем, что существует или могло существовать где-либо во Вселенной в любое время в прошлом или же будет существовать когда-нибудь спустя столетия или тысячелетия.

Бог мгновенно и без всяких усилий узнает обо всей материи и обо всех делах, обо всех умах и о каждом уме в отдельности, обо всем духе и обо всех духах, обо всех существах и о каждом существе в отдельности, обо всем творении и обо всех тварях, о каждом множестве и обо всех множествах, обо всех законах и о каждом законе в отдельности, обо всех отношениях, причинах, мыслях, тайнах, загадках, чувствах, желаниях, о каждом секрете, не высказанном никакими словами, обо всех престолах и владениях, обо всех личностях, обо всех вещах, видимых и невидимых на небесах и на земле, о движении, о пространстве, о времени, о жизни, о смерти, о добре, о зле, о небесах и об аде.

Потому что знание Бога обо всем совершенно. Он знает не что-то лучше, что-то хуже, а обо всем знает одинаково хорошо. Он никогда ничего для Себя не открывает. Он никогда не удивляется, не изумляется. Он никогда не спрашивает Себя ни о чем, никогда не ищет информации ни о чем и не задает вопросов (за исключением тех случаев, когда Он вызывает на разговор людей для их же собственного блага).

Бог существует в Самом Себе и Сам по Себе, и Он обладает совершенным знанием о том, чего ни одно сотворенное существо знать не может, — о Самом Себе.

«Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2:11).

Только Бесконечный может знать о Бесконечном.

Мы видим, как Божественное всеведение вызывает в нас страх перед Богом и восхищение перед Ним. То, что Бог насквозь знает каждого, может заставить содрогнуться от страха человека, которому есть что скрывать, — какой-нибудь грех, от которого человек еще не отказался, какое-нибудь тайное преступление, совершенное против человека или против Бога. Не получившая благословения душа вполне может дрогнуть от мысли о том, что Бог знает неубедительность каждой отговорки и никогда не примет необоснованного оправдания греховному поведению, потому что Он прекрасно знает истинную причину такого поведения.

«Ты положил беззакония наши пред Тобою и тайное наше пред светом лица Твоего» (Пс. 89:8).

Как страшно становится, когда видишь сынов Адама, которые пытаются спрятаться среди деревьев не Эдемского, а другого сада. Но где им спрятаться?

«Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? ... Скажу ли: «может быть, тьма сокроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью». Но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день» (Пс. 138:7, 11-12).

А для нас, бежавших в поисках пристанища, а потом ухватившихся за надежду, данную нам в Евангелии, как приятно знать о том, что Отец наш Небесный полностью знает нас. Никакой лжец не может оклеветать нас, никакой враг не может ни в чем нас обвинить, никакой забытый скелет, спрятанный где-то в потайном шкафу, не будет вынут оттуда, и не приведет нас в замешательство, и не откроет ужасы нашего прошлого; никакая слабость в нашем характере, о которой мы сами даже не подозреваем, не станет явной и не отвратит Бога от нас, поскольку Он знал все о нас

еще до того, как мы узнали Его, и Он позвал нас к Себе, полностью зная обо всем, что свидетельствует против нас.

«Горы сдвинутся, и холмы поколеблются; а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется, говорит милующий тебя Господь» (Ис. 54:10).

Отец наш на небесах знает, из чего мы состоим, и помнит, что мы есть прах. Он знал о нашем врожденном коварстве и ради Себя Самого решил спасти нас (Ис. 48:8-11). Его единственный Сын, находясь среди нас, испытывал наши страдания во всей неприкрытой силе физических мучений. Его знание о наших бедах и несчастьях не только теоретическое; Он лично испытал это и относится к страдающим людям с теплотой и сочувствием. Что бы с нами ни случилось, Бог знает об этом и заботится о нас как никто другой.

Он дает Свою радость всем;
Он становится маленьким ребенком;
Он становится несчастным человеком;
Он тоже испытывает печаль.

Не думай, что ты можешь вздохнуть от горя,
А твоего Создателя не будет рядом;
Не думай, что ты можешь пролить хотя бы одну слезу,
И твой Создатель не будет рядом с тобой.

О! Он дает нам Свою радость
Для того, чтобы Он мог уничтожить наши печали;
А пока наша печаль не покинула нас и не ушла прочь,
Он сидит рядом с нами и плачет.

Уильям Блэйк

Мудрость Бога

Ты, О Христос, Который был соблазнен точно так же, как и мы, но остался безгрешен, дай нам силы преодолеть желание быть мудрыми и прослыть мудрыми среди других — таких же невежд, как и мы. Мы отворачиваемся от нашей мудрости так же, как и от нашего безумия, и бежим к Тебе, к мудрости Бога и силе Бога. Аминь.

Мы начинаем это краткое изучение Божественной мудрости с верой в Бога. Следуя нашей обычной схеме, мы будем пытаться познать Его мудрость не для того, чтобы укрепить свою веру, а будем верить, чтобы суметь познать Его мудрость. Следовательно, мы не будем искать доказательств, что Бог мудр. Неверующий ум не убедишь никакими доказательствами, а преклоняющемуся перед Богом сердцу никакие доказательства не нужны.

«Да будет благословенно имя Господа от века и до века, — сказал пророк Даниил, — ибо у Него мудрость и сила. Он... дает мудрость мудрым и разумение разумным; Он открывает глубокое и сокровенное, знает, что во мраке, и свет обитает с Ним» (Дан. 2:20-22). Верующий человек отвечает на это и на Пение ангелов: «Благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков!» (Отк. 7:12). Такому человеку никогда не придет в голову, что Бог должен предъявлять доказательства Своей мудрости и Своей силы. Разве недостаточно того, что Он — Бог?

Когда христианское богословие заявляет, что Бог мудр оно имеет в виду гораздо больше, чем то, что оно говорит или может сказать, ибо оно пытается придать относительно слабому слову непостижимую полноту того значения, которое готово раздавить это слово своей тяжестью. «И разум Его неизмерим» (Пс. 146:5), — говорит автор Псалма. И здесь богословие пытается выразить именно неизмеримое, а не нечто меньшее.

Поскольку слово *неизмерим* описывает то, что уникально, к нему нельзя добавить никакое наречие. Мы не говорим «более уникален» или «очень уникален». Перед бесконечностью мы стоим в молчании.

Конечно, есть вторичный, сотворенный разум, его Бог отмерил Своим созданиям в таком количестве, которое только может понадобиться для их блага; но мудрость любого сотворенного существа или всех сотворенных существ вместе взятых необычайно мала по сравнению с безграничной мудростью Бога. Поэтому апостол прав, говоря о Боге как о «едином премудром» (1 Тим. 1:17). То есть Бог мудр Сам по Себе, а вся сияющая мудрость людей или ангелов — всего лишь отражение несотворенного сияния, которое истекает от престола величия небес.

Мысль о Боге как о бесконечно мудром существе — корень всякой истины. Это исходный пункт веры, необходимый для того, чтобы была здоровой вся вера в Бога. Поскольку Бог существует независимо от Своих созданий, Его, конечно, никак не могут затронуть наши суждения о Нем, но для нашего морального здоровья необходимо, чтобы мы приписывали Творцу и Вседержителю полностью совершенную мудрость. Отказаться от этого — значит предать то, что отличает нас от животных.

В Священном Писании мудрость Бога и праведных людей всегда имеет сильную моральную окраску. Она задумана как чистая, любящая и добрая мудрость. Мудрость, которая является просто пронизательностью, часто бывает у злых людей, такая мудрость коварна и фальшива. Эти два вида мудрости находятся в постоянном конфликте.

Действительно, если посмотреть с высоты вершины горы Синай или Голгофы, то вся всемирная история будет выглядеть как поединок между мудростью Бога и хитростью сатаны и падших людей. Исход этого поединка не подлежит сомнению. Несовершенное в конце концов должно пасть перед Совершенным. Бог предупредил, что Он возьмет мудрых их же собственной хитростью и превратит в ничто разумение благоразумных.

Мудрость в числе прочего — это еще и способность ставить перед собой совершенные цели и достигать этих целей с помощью самых совершенных средств. Мудрость видит конец с самого начала, и здесь уже не нужно ни гадать, ни делать предположений. Мудрость видит все в правильном фокусе, каждый предмет и каждое явление в правильном отношении к другим предметам и явлениям, и, таким образом, она может достигать заранее поставленных целей с безошибочной точностью.

Все деяния Божьи осуществляются в совершенной мудрости, во-первых, для Его собственной славы, а затем уже для величайшего блага как можно большего числа людей и на как можно большее время. И все Его дела так же чисты, как и мудры, и они настолько же добры, насколько мудры и чисты. Все Его дела не просто нельзя сделать лучше, нельзя даже представить себе, что они могут быть сделаны лучше. Бесконечно мудрый Бог действует так, что смертным нет необходимости поправлять Его дела. О Господь, как многочисленны Твои дела! Все их Ты совершил в мудрости. Земля наполнена Твоими сокровищами!

Если бы не было сотворения мира, мудрость Бога осталась бы навсегда запертой в безграничной бездне Божественной природы. Бог дал жизнь Своим творениям, чтобы Он мог радоваться им и чтобы они могли радоваться Ему.

«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31).

На протяжении столетий многие отказывались верить, что в основе мира лежит мудрость: слишком несовершенным кажется этот мир. Вольтер в своей философской повести «Кандид, или Оптимизм» описывает убежденного оптимиста по имени доктор Панглос, в уста которого он вкладывает философский аргумент: «Все к лучшему в этом лучшем из всех миров». Конечно, французский циник получал большое наслаждение, ставя этого пожилого учителя в такое положение, которое делало его философию смешной.

Но христианский взгляд на жизнь на самом деле более реалистичен, чем представление доктора Панглоса о «достаточном разуме». Сейчас наш мир — не самый лучший из всех миров, сейчас это мир, над которым нависла тень огромного бедствия — грехопадения. Авторы, пишущие по Божьему вдохновению, уверяют, что все Божьи творения сейчас стонут и страдают от того сильного удара, который им нанесло грехопадение. Они не пытаются искать объяснение в «достаточном разуме», они утверждают, что «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего [ее], — в надежде» (Рим. 8:20). Здесь нет никакой попытки оправдать пути Бога перед людьми; это просто констатация факта. Существование Бога само себя защищает.

Но во всех наших слезах есть надежда. Когда настанет час триумфа Христа, страдающий мир обретет славную свободу сынов Божьих. Для людей нового творения золотой век не в прошлом, а в будущем, и когда он наступит, удивленная Вселенная

увидит, что Бог действительно проявляет по отношению к нам великую мудрость и великое благоразумие. А пока мы надеемся только на мудрого Бога — нашего Спасителя, и терпеливо ждем, пока постепенно реализуются Его благие планы.

Несмотря на слезы, боль и смерть, мы верим, что Бог, Который создал нас всех, бесконечно мудр и добр. Подобно тому как Авраам не дрогнул в неверии, не поколебался, услышав обещание, данное Богом, а был стоек в вере, воздавая славу Богу, и был полностью убежден, что Тот, Кто обещал, сможет исполнить Свое обещание, и мы должны возлагать нашу надежду только на одного Бога и надеяться даже тогда, когда надеяться, кажется, уже не на что, до тех пор пока не забрезжит свет. Мы полагаемся на то, *что Бог есть*. Я думаю, что только это и есть истинная вера. Любая вера, которую нужно поддерживать доказательствами, полученными с помощью чувственного восприятия, — это ненастоящая вера.

«Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29).

Вера свидетельствует, что какими бы ни казались нам обстоятельства в этом падшем мире, все дела Бога осуществляются в совершенной мудрости. Воплощение Вечного Сына в человеческую плоть было одним из великих деяний Бога, и мы можем быть уверены, что это вызывающее благоговение деяние осуществлялось с таким совершенством, которое может быть только у Бесконечного.

«И бесспорно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3:16).

Искушение грехов было осуществлено с тем же безупречным умением, которое характерно для всех деяний Бога. И пусть мы очень мало понимаем во всем этом, но мы знаем, что искупительное дело Христа полностью примирило Бога и людей и открыло Царство Небесное для всех верующих. Наша забота — не объяснять, а свидетельствовать. Мне очень хотелось бы знать, мог ли Бог дать нам понять все, что происходило там, на кресте. По словам апостола Петра, даже ангелы этого не знают, как бы ни хотелось им проникнуть в суть всего этого.

Действие Благой Вести, новое рождение, приход Божественного Духа в человеческую природу, окончательная победа над злом и, наконец, установление праведного Царства Христа — все это проистекало и проистекает из бесконечной полноты Божественной мудрости. Самые зоркие глаза самого святого наблюдателя, находящегося среди благословенных на небесах, не могут заметить ни малейшего дефекта в том, как Бог осуществляет все это, и даже мудрость всех серафимов и херувимов вместе взятых не может предложить никаких поправок к Божьим делам.

«Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек; к тому Нечего прибавлять и от того нечего убавить; и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его» (Екк. 3:14).

Жизненно важно для нас считать Божью бесконечную мудрость догматом нашей веры; но этого недостаточно, Мы должны с помощью веры и молитвы ввести этот догмат в нашу повседневную жизнь.

Активная вера в то, что Отец наш Небесный постоянно посылает нам благоприятные обстоятельства, работающие на наше теперешнее благо и на наше вечное благополучие, приносит душе истинное благословение. Большинство из нас

живут, немного молясь, немного планируя, не стесняясь в средствах для достижения цели, надеясь, но никогда не будучи ни в чем уверенными, и всегда втайне опасаясь, что что-то не получится. Это трагически напрасная трата истины, и она никогда не приносит покоя сердцу.

Есть лучший путь. Он заключается в том, чтобы отречься от нашей собственной мудрости и вместо нее взять бесконечную мудрость Бога. Наше желание знать, что будет дальше, вполне естественно, но это помеха на пути к нашему духовному прогрессу. Бог взял на Себя полную ответственность за наше вечное счастье, и Он готов все уладить в нашей жизни, как только мы с верой повернемся к Нему. Вот что Он обещает:

«Я поведу слепых дорогою, которой они не знают, неизвестными путями буду вести их; мрак сделаю светом пред ними, и кривые пути — прямыми: вот что Я сделаю для них, и не оставлю их» (Ис. 42:16).

Пусть Он ведет тебя с завязанными
глазами вперед,
Любовь не нуждается в том, чтобы знать;
Дети, которых ведет Отец,
Не спрашивают, куда они идут.
И пусть весь путь неизвестен,
и пусть он проходит
Через болота и пустынные горы.

Герхард Терстеген

Бог постоянно убеждает нас, что мы должны слепо доверять Ему.

«Я пойду пред тобою, и горы уравнию, медные двери сокрушу, и запоры железные сломаю. Я отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев» (Ис. 45:2-3).

Сразу приободряешься, когда узнаешь, сколько великих дел Бог сделал тайно, вдали от любопытных глаз людей и ангелов. Когда Бог сотворил небеса и землю, над бездной была темнота. Когда Вечный Сын стал плотью, какое-то время Он находился в темноте, во чреве непорочной девственницы. Когда Он умер для мирской жизни, это произошло в темноте, и никто не видел Его последних минут. Когда Он воскрес из мертвых, было «очень рано» утром (Лк. 24:1). Никто не видел, как Он воскрес. Как будто бы Бог говорил: «Нужно, чтобы для вас имело значение только то, чем Я являюсь, ибо в этом ваша надежда и ваше спокойствие. Я сделаю то, что Я сделаю, и все это в конце концов станет известным, но, как Я это сделаю, — это Моя тайна. Доверяйте Мне и не бойтесь».

Если доброта Бога желает нашего величайшего благополучия, если мудрость Бога спланировала, как нам этого величайшего благополучия достичь, если сила Бога сделает так, чтобы мы его достигли, то чего же нам тогда не хватает? Несомненно, мы — самые привилегированные из всех сотворенных существ.

Во всех великих планах нашего Создателя
Сияют всемогущество и мудрость;
Его творения своим чудесным обликом

Являют славу Его Имени.

Томас Блэклок

Всемогущество Бога

Отец наш Небесный, мы слышали, как Ты говорил: «Я — Всемогущий Бог, ходите предо Мною и будьте совершенны». Но если Ты не поможешь нам безмерным величием Твоей силы, то как мы, слабые и грешные по своей природе, сможем идти совершенным путем? Сделай так, чтобы мы могли научиться использовать действие той могущественной силы, которая действовала внутри Христа, когда Ты воскресил Его из мертвых и поместил Его по правую сторону от Себя на небесах. Аминь.

В своем видении Иоанн — автор «Откровения» — слышал как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, гремящих по всей Вселенной, и эти голоса, и этот шум возвещали верховную власть и всемогущество Бога:

«Аллилуйя! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель» (Отк. 19:6).

Верховная власть и всемогущество должны идти вместе. Одно не может существовать без другого. Для того чтобы царствовать, Бог должен иметь власть, а для того, чтобы царствовать над всем и над всеми, Он должен иметь всю власть. Иметь всю власть — это и значит быть *всемогущим*. В английском переводе Библии это слово встречается 56 раз, и употребляется оно только по отношению к Богу. Только Он один всемогущ.

Бог обладает тем, чем не может обладать ни одно сотворенное Им существо — бесконечной полнотой власти, могуществом, которое абсолютно. Мы узнаем об этом с помощью Божественного откровения, но вместе с тем это логичный вывод из того, что нам уже известно. Если мы примем как должное, что Бог бесконечен и существует Сам по Себе, то мы сразу же увидим, что Он должен быть также и всемогущим, и мы склоним колени перед Божественным всемогуществом.

«...сила у Бога», — говорит автор Псалма (Пс. 61:12), а апостол Павел заявляет, что сама природа представляет доказательства вечной власти Божества (Рим. 1:20). Зная это, мы рассуждаем о всемогуществе Бога следующим образом: Бог обладает властью. Поскольку Бог также и бесконечен, все, чем Он является, не имеет границ; поэтому Бог имеет безграничную власть. Он всемогущ. Далее мы видим, что Бог — существующий Сам по Себе Создатель — является источником всей существующей силы и власти, а поскольку источник должен быть, по крайней мере, равным тому, что проистекает из него, это еще раз подтверждает, что Он всемогущ.

Бог передал могущество Своим творениям, но при этом Его могущество не убавилось даже на самую ничтожную часть. Он дает, но не отдает. Все, что Он дает, остается в Его собственности и снова возвращается к Нему. Он всегда будет тем же, кем был, — Господом Богом Вседержителем.

Если внимательно читать Священное Писание, то нельзя не заметить той огромной разницы, которая существует между взглядами людей, описанных в Библии, и взглядами наших современников. Сегодня мы страдаем оттого, что наше мышление стало светским. Там, где авторы Священного Писания видели Бога, мы видим законы природы. Мир авторов Священного Писания был живым и личностным, наш мир

безличен и мертв. Их миром правил Бог; нашим миром правят законы природы, и мы всегда удалены от Бога.

Что это за законы природы, которые вытеснили Бога из умов миллионов людей? Слово «закон» имеет два значения. В одном значении это слово обозначает внешнее правило, установленное властями, например, закон, направленный против грабежа и насилия. Это слово употребляется также для обозначения единообразия явлений, происходящих во Вселенной, но это, второе, значение ошибочно. То, что мы видим в природе, — это просто пути, которыми могущество и мудрость Бога действуют через Его творение. На самом деле это явления, а не законы, но мы называем их «законами» по аналогии с субъективными законами общества.

Наука наблюдает, как действует могущество Бога, находит в этом какую-то закономерность и называет ее «законом». Единообразие действий Бога в том, что Он создал, позволяет ученому предсказать ход явлений природы. Надежность поведения Бога в Его мире — основа научной истины. На этом ученый основывает свою веру, и благодаря этому появляются великие и полезные достижения в таких сферах, как навигация, химия, сельское хозяйство и медицина.

С другой стороны, религия обходит природу и идет к Богу. Ее интересуют не следы Бога на путях творения, а Тот, Кто идет этими путями. Религию интересует прежде всего Тот, Кто является источником всего, управляющим всеми явлениями. В философии Он известен под разными названиями, самое устрашающее из них, насколько я знаю, было высказано Рудольфом Отто: «Абсолютный, гигантский, никогда не стихающий, активный мировой стресс». Христианин с радостью вспоминает, что этот «мировой стресс» когда-то сказал: «Я ЕСМЬ» (Исх. 3:14) и что величайший из учителей наставлял Своих учеников, чтобы они обращались к Нему как к личности: «Когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое...» (Лк. 11:2). Люди, описанные в Библии, всегда разговаривали с этим «абсолютным и гигантским» на глубоко личном языке, и с Ним пророк и святой ходили в восторге теплой, близкой преданности, приносящей глубокое удовлетворение.

Всемогущество обозначает не сумму всего могущества, но свойство личности Бога, которого мы, христиане, считаем Отцом Господа нашего Иисуса Христа и всех, кто верит «в Него к жизни вечной» (1 Тим. 1:16). Для человека, почитающего Бога, знание об этом становится источником необычайной силы в его внутренней жизни. Его вера поднимается вверх, делая огромный прыжок для того, чтобы достичь братства с Тем, Кто может сделать все, что захочет, для Которого ничто не трудно и не тяжело, потому что Он обладает абсолютным могуществом.

Поскольку Господь Бог Вседержитель управляет всеми силами во Вселенной, Он может сделать все с одинаковой степенью легкости. Все Его действия осуществляются без малейшего усилия. Он не расходует энергию, которую нужно пополнять. Он независим ни от кого, и поэтому Ему не нужно возобновлять Свою силу, черпая ее вне Самого Себя. Вся сила, которая нужна для того, чтобы сделать то, что Он хочет, находится в неубывающей полноте Его собственного бесконечного бытия.

Пресвитерианский пастор А. Б. Симпсон, будучи уже пожилым, больным, глубоко подавленным и готовым оставить свое служение, вдруг случайно услышал простую негритянскую духовную песню:

Ничто не трудно для Иисуса,
Ни один человек не может действовать, как Он.

Смысл этих слов, как стрела, пронзил его сердце, принес веру, и надежду, и жизнь для тела и души. Он удалился в уединенное место и, пробыв несколько месяцев

наедине с Богом, полностью исцелился от своей болезни, а затем уехал, полный радости, чтобы основать одно из крупнейших миссионерских обществ в мире. В течение тридцати пяти лет после этой встречи с Богом, он делал очень многое, служа Христу. Его вера в Бога, обладающего безграничным могуществом, давала ему все силы, которые были необходимы для того, чтобы продолжать работу.

Всемогущий! Я в прахе склоняюсь пред Тобой;
И даже скрытые покровом херувимы
склоняются пред Тобой;
В тихой и спокойной преданности я поклоняюсь Тебе,
Обладающий всей мудростью и присутствующий всюду Друг
Ты дал земле изумрудное одеяние.
Или накрыл ее снежным покровом;
И яркое солнце, и нежная луна на небесах
Склоняются перед Твоим присутствием.

Сэр Джон Боурин

Трансцендентность Бога

О Господь, наш Господь, нет никого, подобного Тебе, ни вверху - на небесах, ни внизу — на земле. Тебе принадлежат и величие, и достоинство. Все, что есть на небесах и на земле, — Твое; Твое царство, и Твоя сила, и Твоя слава во веки веков, О Боже, и Ты возвышаешься как глава над всем. Аминь.

Когда мы говорим о Боге как о существе, обладающем трансцендентностью, мы, конечно, имеем в виду, что Он высоко возвышается над всей сотворенной Им Вселенной, настолько высоко, что человеческая мысль даже не может этого себе представить.

Однако чтобы правильно рассуждать об этом, мы должны иметь в виду, что «высоко» здесь обозначает не физическое расстояние от земли, а качество бытия. Нас интересует не место в пространстве, не сама по себе высота, а жизнь.

Бог есть Дух, и для Него величина и расстояние не имеют значения. Для нас они полезны как аналогии и иллюстрации, поэтому Бог постоянно употребляет эти понятия, чтобы это было Доступно нашему ограниченному пониманию. Слова Бога, которые мы находим в Книге пророка Исайи, «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий» (Ис. 57:15) Дают ясное представление о высоте, но это потому, что мы, обитающие в мире материи, пространства и времени, стремимся мыслить материальными категориями и можем понять абстрактные идеи только тогда, когда они так или иначе идентифицируются с материальными предметами. Стараясь освободиться от тирании естественного мира, человеческое сердце должно научиться использовать более возвышенный язык, который использует Дух, чтобы наставлять нас.

Именно Дух наделяет значимостью материю, и в конечном счете без Духа ничто не имеет никакой ценности. От группы людей, пришедших полюбоваться красотой гор, отбилась маленькая девочка и потерялась где-то на одной из гор. Тут же умонастроение этих людей изменилось. Восторженное восхищение величием природы уступило место отчаянию и страху за потерявшегося ребенка. Люди разбредаются по всему склону горы, с тревогой зовут ребенка по имени и тщательно осматривают каждый укромный уголок, где малышка могла бы спрятаться.

Чем вызвана эта внезапная перемена? Поросшая лесом гора по-прежнему возвышается до самых облаков в своей захватывающей дух красоте, но этой красоты теперь уж никто не замечает. Все внимание приковано к поискам кудрявой маленькой девочки, которой нет и двух лет и которая весит меньше тридцати фунтов. Хотя она совсем еще немного живет на свете и хотя она такая маленькая, родителям и их друзьям она дороже, чем гигантская громада большой и древней горы, которой они восхищались всего лишь несколько минут назад. И этот их взгляд разделит бы весь цивилизованный мир, ибо маленькая девочка может любить, смеяться, говорить и молиться, а гора не может. Качество бытия ребенка определяет его ценность.

И все-таки мы не должны сравнивать бытие Бога с чьим-либо другим, подобно тому как мы только что сравнили гору с ребенком. Мы не должны думать о Боге как о высочайшем среди восходящего ряда существ, начиная от одноклеточных, переходя затем от рыбы к птице, затем к млекопитающему, затем к человеку, затем к ангелу,

затем к херувиму и, наконец, - к Богу. Это значило бы наделить Бога высоким, даже, пожалуй, очень высоким положением, но этого недостаточно; мы должны наделить Его *трансцендентностью* в самом полном смысле этого слова. Бог навсегда отделен от всего мира. Он в свете, к которому нельзя приблизиться. Он настолько же выше архангела, насколько Он выше гусеницы, ибо пропасть, отделяющая архангела от гусеницы, конечно, а пропасть между Богом и архангелом бесконечна. Гусеница и архангел хотя и отстоят далеко друг от друга на шкале сотворенных существ, все-таки имеют одно общее свойство: они оба сотворены. Они оба относятся к тому, что не является Богом, и отделены от Бога самой бесконечностью.

Молчание и сила, заставляющая произносить слова, всегда будут бороться друг с другом в сердце человека, который захочет говорить о Боге.

Как оскверненные смертные осмелятся
Воспевать Твою славу и Твою милость?
Мы лежим далеко внизу, у Тебя под ногами,
И видим только тени от Твоего лица.

Айзек Уомтс

Но мы знаем, и это служит для нас утешением, что именно Бог дает нашим сердцам желание искать Его, дает возможность в какой-то степени узнать Его и что Он рад даже самым незначительным нашим усилиям на пути познания Бога.

Если бы вдруг какой-нибудь святой, который провел свою жизнь вдали от мира, в общении с Богом, вернулся к людям, погрязшим в заботах, какой бессмысленной показалась бы ему их бесконечная болтовня. Какими странными и пустыми показались бы ему скучные, избитые и бесполезные слова, которые можно услышать в средней статистической проповеди из недели в неделю. И если этот святой заговорит, он будет говорить о Боге. И разве он не зачарует, не заморожит своих слушателей восторженными описаниями Божества? И, послушав его, разве мы согласимся впоследствии слушать что-нибудь меньшее? Мы, конечно же, будем требовать от тех, кто позволяет себе учить нас, чтобы они говорили с нами с вершины Божественного видения или же совсем молчали!

Автор Псалма раскрыл нам психологию греха, сказав: «Нет страха Божия пред глазами его» (Пс. 35:12). Когда люди не боятся Бога, они, не колеблясь, Нарушают Его законы. Страх перед последствиями не отпугивает, когда нет страха перед Богом.

В прежние времена о верующих людях говорили, что они «ходят в страхе Божьем» и «служат Господу со страхом». Каким бы близким ни было общение человека с Богом, какими бы смелыми ни были его молитвы, в основе его религиозной жизни было представление о Боге как о Существе, вызывающем чувство благоговения и страха. Мысль о Боге, Который превыше всего, проходит через всю Библию. Этот страх перед Богом был чем-то большим, чем естественное понимание опасности; это был иррациональный страх, сильное осознание собственной неполноценности в присутствии Всемогущего Бога.

Всякий раз, когда в библейские времена Бог являлся людям, они испытывали одно и то же: переполняющее душу ощущение страха и тревоги, щемящее чувство греховности и вины. Когда Бог заговорил, Авраам распростерся на земле и слушал Его. Когда Моисей увидел Господа в горящем кусте, он в страхе закрыл свое лицо, не смея взглянуть на Бога. Когда Бог явился в видении пророку Исаяи, это заставило его закричать: «Горе мне!» и признаться: «Погиб я! ибо я человек с нечистыми устами» (Ис. 6:5).

Пожалуй, самой страшной и самой чудесной была встреча с Богом пророка Даниила. Пророк поднял глаза и увидел Того, Чье тело — «как топаз, лице... — как вид молнии; очи... — как горящие светильники, руки... и ноги... по виду — как блестящая медь, и глас речей... — как голос множества людей». «И только один я, Даниил, видел это видение, — писал он потом, — а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них и они убежали, чтобы скрыться. И остался я один и смотрел на это великое видение, но во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости. И услышал я глас слов Его, и как только услышал глас слов Его, в оцепенении пал я на лице мое и лежал лицом к земле» (Дан. 10:6-9).

Опыт этих людей показывает, что осознание Божественного превосходства быстро разрешает все противоречия между человеком и Богом. Желание бороться с Богом покидает человека, и он готов уже, подобно побежденному Савлу, смиренно спросить: «Господи! что повелишь мне делать?» (Деян. 9:6). И, напротив, самоуверенность современных христиан, легкомыслие, лежащее в основе столь многих наших религиозных собраний, шокирующее неуважение, которое выказывают по отношению к личности Бога в достаточной степени свидетельствуют о слепоте сердца. Многие называют себя последователями Христа, много говорят о Боге и даже иногда Ему молятся, но, очевидно, не знают, Кто Он такой. «Страх Господень — источник жизни» (Прит. 14:27), но этот целительный страх едва ли можно найти сегодня у христиан.

Однажды в разговоре со своим другом Эккерманом поэт Гете затронул тему религии и заговорил о злоупотреблении Божественным именем. «Люди обращаются с Ним, — сказал он, — как будто бы это непостижимое и высочайшее Существо, которое находится даже вне досягаемости мысли, было всего лишь равным им самим. Иначе бы они не говорили: «Господь Бог, дорогой Бог, добрый Бог». Это выражение становится для них, в особенности для духовенства, которое каждый день не перестает его повторять, простой фразой, ничего не значащим именем, которое не соотносится ни с какой мыслью. Если бы они находились под впечатлением от Его величия, они молчали бы, из чувства благоговения не желая назвать Его».

Господь всех существ, восседающий далеко на престоле
Твоя слава сиянием исходит от солнца и от звезды;
Центр и душа каждой сферы,
Ты все-таки так близок каждому любящему сердцу!

Господь всей жизни, что внизу и что наверху.
Чей свет — истина, чья теплота — любовь,
Перед Твоим вечно сияющим престолом
Мы не просим славы для себя.

Оливер Уэндел Холмс

Вездесущность Бога

Отец наш, мы знаем, что Ты с нами, но наше знание — это только несовершенное изображение и тень истины, и в нем мало того духовного богатства и той внутренней красоты, которые должны быть у такого знания. Для нас это большая потеря и причина большой слабости нашего сердца. Помоги нам исправить нашу жизнь, прежде чем мы сможем сами почувствовать истинное значение слов: «В Твоем присутствии — полнота радости». Аминь.

Слово *присутствие*, конечно, означает здесь, *близко к, рядом с*, а присутствие *везде* — это вездесущность. Бог повсюду, близко ко всему, рядом со всеми.

Мало таких истин в Священном Писании, которые были бы столь ясны и понятны, как учение о Божественной вездесущности. Строки Священного Писания, в которых подтверждается эта истина, настолько точны, что потребовались бы значительные усилия, чтобы неправильно понять их. В этих строках говорится, что Бог постоянно присутствует в Своих творениях, что нет места ни на небесах, ни на земле, ни в аду, где человек мог бы скрыться от Его присутствия. Священное Писание учит, что Бог одновременно и очень далеко, и рядом и что в Нем люди и движутся, и Живут, и существуют. Эти строки заставляют нас признать вездесущность Бога и объясняют другие истины о Нем.

Например, в Священном Писании говорится, что Бог бесконечен. Это означает, что Его существование не знает границ. Поэтому не может быть границ Его присутствию; Он вездесущ. В Своей бесконечности Он окружает Свои конечные творения и держит их в Себе. Нет такого места, где что-то могло бы существовать без Его присутствия. Бог — это среда нашего обитания, как море для рыбы и как воздух для птицы. «Бог — над всем, — писал Гильдеберт Лавардинский, — под всем, за пределами всего, внутри, но не в составе; вовне, но не за исключением; вверху, но не поднят вверх; внизу, но не опущен; полностью вверху, возглавляя; полностью внизу, поддерживая; полностью внутри, наполняя».

Вера в то, что Бог присутствует внутри Своей Вселенной, не может существовать в изоляции. Она имеет практическое применение во многих сферах богословской мысли и оказывает прямое влияние на некоторые религиозные проблемы, например, на проблему природы мира. Мыслящие люди почти каждой эпохи и почти каждой культуры задумывались над вопросом о том, что же представляет собой этот мир. Материальный ли это мир, существующий сам по себе, или же это духовный мир, приводимый в движение невидимыми силами? Можно ли найти объяснение внутри самой системы, в которой все взаимосвязано, или же ее секрет скрыт под покровом тайны? Действительно ли этот поток существования начинается и кончается в самом себе? Или его источник выше холмов и находится где-то дальше, за холмами?

Христианское богословие утверждает, что у него есть ответ на эти вопросы. Оно не вдается в рассуждения и не высказывает субъективного мнения, но выдвигает в качестве авторитета слова: «Так говорит Господь». Оно с уверенностью настаивает на том, что мир духовен, что он происходит от Духа, проистекает из Духа, что он духовен по своей сути и не имеет никакого значения в отрыве от Духа.

Учение о Божественной вездесущности олицетворяет отношения между человеком и Вселенной. Эта великая главная истина придает значение всем другим истинам и наделяет высшей ценностью всю короткую человеческую жизнь. Бог присутствует здесь. Он рядом с человеком. Он подле него, и этот Бог видит его и знает его полностью. С этого начинается вера, постепенно она может включить в себя тысячу других чудесных истин, и все эти истины будут восходить к той единственной, которая гласит: *Бог есть, и Бог здесь*. В Послании к Евреям говорится: «Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть» (Евр. 11:6). И Сам Христос сказал: «Веруйте в Бога...» (Ин. 14:1). А все то, что можно добавить к элементарной вере в Бога, является надстройкой, и независимо от высот, до которых мы можем подняться, вся надстройка будет прочно стоять на этом первоначальном фундаменте.

Новый Завет учит, что Бог сотворил мир с помощью *Логоса* (то есть Слова), и Слово отождествляется со второй личностью Божества, которая присутствовала в мире еще до воплощения. Слово создало все и оставалось в Своих творениях, чтобы управлять ими и поддерживать их, и в то же время было моральным светом, позволяющим человеку отличать добро от зла. Вселенная действует как строго упорядоченная система не благодаря безличным законам, но благодаря творящему голосу Божественного присутствия — *Логосу*.

Каноник У. Дж. Х. Холмс из Индии рассказывал о том, как молятся индусы: они стучат по деревьям и камням и, кланяясь, Шепчут богу: «Здесь ли ты? Здесь ли ты?», надеясь, что он обитает внутри этих деревьев и камней. Образованный христианин с полным спокойствием дает ответ на этот вопрос. Бог Действительно там. Он там, и здесь, и повсюду, не только в Дереве или в камне, но и в просторах Вселенной, близко ко всему, рядом с каждым, и благодаря Иисусу Христу в любой Момент доступен каждому любящему сердцу. Учение о Божественной вездесущности навеки решает этот вопрос.

Для убежденного христианина эта истина — источник великого утешения и величайшей уверенности, которая не зависит ни от каких жизненных обстоятельств. Для него «практический смысл присутствия Бога» состоит не в том, чтобы мысленно переносить воображаемый объект за пределы собственного ума и затем искать способы реализации его присутствия, а в том, чтобы узнавать реальное присутствие Того, Который, согласно любому здравому богословскому учению, уже здесь и объективно существует независимо от того, признают Его существование те, кого Он создал, или нет. Результатом этой истины является опыт, который дается человеку не в видении, а в реальности.

Уверенность в том, что Бог всегда рядом с нами, что Он присутствует во всех частях Своего мира, что Он ближе к нам, чем наши мысли, может долго поддерживать нас в состоянии возвышенного морального счастья. Но не всегда. Было бы нечестно обещать каждому верующему постоянную радость, и было бы нереалистично ожидать этого. Подобно тому как ребенок может плакать от боли даже на руках у своей матери, христианин может иногда страдать, даже сознавая, что он находится в присутствии Бога. Апостол Павел хотя и говорил: «Мы всегда радуемся» (2 Кор. 6:10), признавал, что иногда он был печален; а Христос ради нас пролил много слез, хотя Он никогда не покидал «недра Отчего» (Ин. 1:18).

Но все будет хорошо. В таком мире, как наш, эти слезы производят свое лечебное действие. Целительный бальзам, изготовленный из покровов защищающего нас присутствия Божьего, исцеляет наши болезни до того, как они становятся неизлечимыми. Знание о том, что мы никогда не бываем одни, успокаивает бушующее море нашей жизни и приносит мир в наши души.

И Священное Писание, и рассудок говорят нам, что Бог здесь. Нам остается только научиться понимать это с помощью осознанного опыта. Предложение, взятое из письма доктора Аллена Флиса, обобщает свидетельства многих других людей: «Знать, что Бог присутствует здесь, — это благословение, но *чувствовать* Его присутствие — это самое настоящее счастье».

Бог открывает Свое присутствие:
Давайте теперь поклоняться Ему,
И с благоговением представлять перед Ним.

У нас есть только Он один — Бог;
Он — наш Господь и Спаситель,
Славьте Его имя во веки веков.

Сам Бог с нами:
Тот, Кому легионы ангелов
Служат с благоговением на небесах.

Герхард Терстеген

Верность Бога

Хорошо воздавать Тебе хвалу и славить Твое имя, О Всевышний, открывать для себя Твою любовь и доброту утром и Твою верность каждый вечер. Подобно тому как Твой Сын, будучи на земле, был верен Тебе, Своему Небесному Отцу, сейчас, будучи на небесах, Он верен нам. Своим земным братьям: и на это мы возлагаем все наши искренние надежды на все грядущие годы и столетия. Аминь.

Как уже говорилось, атрибуты Бога — это не изолированные черты Его характера, а грани Его единого существа. Это не вещи в себе; скорее это мысли, с помощью которых мы думаем о Боге, аспекты совершенного целого, названия, данные тому, что мы знаем как истину о Нем.

Для того чтобы правильно понимать атрибуты Бога, нам необходимо видеть их как одно целое. Мы можем думать о каждом свойстве Бога в отдельности, но их нельзя отделять друг от друга. «Все свойства, приписываемые Богу, на самом деле не могут отличаться друг от друга по причине совершенной простоты Бога, хотя, говоря о Боге, мы описываем их по-разному и употребляем для этого разные слова, — говорит Николай Кузанский. — Поэтому хотя мы приписываем Богу зрение, слух, вкус, обоняние, осязание, сознание, рассудок, интеллект и так далее, в зависимости от различных значений каждого слова, в Нем зрение ничем не отличается от слуха, или от вкуса, или от обоняния, или от осязания, или от понимания. И поэтому говорят, что все богословие идет по кругу, потому что любое из Его свойств подтверждается другим».

При изучении какого-либо атрибута Бога вскоре становится очевидным, что, в сущности, все Его атрибуты — одно целое. Например, если Бог существует Сам по Себе, то, следовательно, Он и независим; если Он, будучи бесконечным, обладает могуществом, то это должно быть всемогущество. Если Он обладает знанием, то Его бесконечность убеждает нас, что Он обладает всем знанием. Точно так же Его неизменность предполагает Его верность. Если Он не изменяется, из этого следует, что Он не может быть неверен, поскольку для этого Ему нужно было бы измениться. Любой недостаток в Божественном характере предполагал бы несовершенство, а поскольку Бог совершенен, такого просто не может быть. Следовательно, атрибуты объясняют друг друга и доказывают, что они всего лишь отблески абсолютно совершенного Божьего разума.

Все действия, которые совершает Бог, находятся в полном соответствии со всеми Его атрибутами. Ни одно из этих свойств не противоречит другому, но все они гармонично сочетаются друг с другом и соединяются в бесконечной бездне Божества. Все, что делает Бог, согласуется с тем, чем является Бог, в Нем существование и деяние — одно и то же. Очень часто, изображая Бога, пытаются отделить Его справедливость от Его милосердия, что полностью противоречит фактам. Подумать о Боге как о существе, которое склоняется сначала к одному из Своих свойств, а потом к другому, — это значит представить себе Бога, не уверенного в Себе, бессильного и эмоционально неуравновешенного, и тогда это будет уже не истинный Бог, а всего лишь Его бледное отражение.

Будучи Тем, Кем Он является, Бог не может перестать быть Тем, Кем Он является, и, следовательно, Он не может действовать так, чтобы это противоречило Его

характеру. Он одновременно верен и неизменен, поэтому все Его слова и дела должны быть и должны оставаться верными. Люди становятся неверными, уступая желанию, страху, слабости, из-за утраты интереса или под воздействием сильного влияния извне. Очевидно, что ни один из этих факторов никак не может влиять на Бога. Он Сам — Своя собственная причина всего того, чем Он является и что делает. Его не могут ни к чему принудить внешние обстоятельства, Он всегда говорит и действует от имени Самого Себя, по Своей Собственной суверенной воле, так, как Он считает нужным.

Я думаю, можно было бы доказать, что почти каждая ересь, от которой Церковь страдала на протяжении всех лет ее существования, являлась результатом неверного представления о Боге или стремлении придать слишком большое значение чему-то верному, скрывая при этом нечто другое, столь же верное. Гиперболизировать одно свойство и полностью исключить другое — это прямой путь к одному из угрюмых болот богословия; и все-таки мы постоянно подвергаемся соблазну сделать это.

Например, Библия учит, что Бог есть любовь; некоторые настолько акцентируют на этом внимание, что полностью отрицают Его справедливость, о которой в Библии, кстати, тоже говорится. Другие делают такой упор на библейское учение о доброте Бога, что это начинает противоречить Его святости. Или они заставляют Его сочувствие отменять Его истину. А еще кто-то понимает верховную власть Бога так, что полностью игнорирует или, по крайней мере, значительно уменьшает Его доброту и любовь.

Мы сможем правильно понимать истину, только если мы осмелимся поверить всему, что Бог сказал о Самом Себе. Человек берет на себя очень серьезную ответственность, когда пытается лишить Бога тех черт, которые он по своему неведению не может принять, несмотря на то, что они явлены в Божественном откровении. Наверняка каждый из нас, у кого хватит дерзости попытаться сделать это, окажется в темноте. А делать это вовсе незачем. Нам не нужно бояться оставлять правду такой, как она описана. Между атрибутами Бога нет противоречий. Существо Бога едино. Он не может разделиться на части и в какое-то определенное время действовать, исходя из одного Своего свойства, оставляя в бездействии другие Свои свойства. Все, чем является Бог, должно согласовываться со всем, что Он делает. В милосердии должны присутствовать справедливость, а в осуждении — любовь. И так со всеми атрибутами Бога.

Верность Бога — это один из исходных факторов нормального христианского богословия, а для верующего человека, осознавшего это Божественное свойство, верность становится пищей для души. Ибо Священное Писание не только учит истине, но также показывает человечеству, как эту истину использовать. Авторы Священного Писания, получившие Божье вдохновение, были людьми с такими же, как у нас, страстями, живущими обычной жизнью. То, что они узнали о Боге, стало для них мечом, щитом и молотом; это стало мотивацией их жизни, их доброй надеждой и искренним ожиданием. Из объективных факторов богословия их сердца сделали много радостных выводов и тысячи раз применили их по отношению к себе! В книге Псалмов раздаются радостные слова благодарности Богу за Его верность. Новый Завет подхватывает эту тему и восхваляет верность друг другу Бога-Отца и Его Сына Иисуса Христа, Который перед Понтием Пилатом свидетельствовал о доброй вере; а в Апокалипсисе мы видим Христа верхом на белом коне, скачущего к Своему триумфу, и там Он назван Верным и Истинным.

В христианских песнопениях также воспеваются атрибуты Бога, и среди них — Божественная верность. Эти свойства стали источником, из которого потекли реки радостных мелодий. Например, в старинном сборнике песнопений, изданном в 1849 году, песни не имеют названий, над каждым песнопением — лишь одна строчка,

Доброта Бога

Делай добро в Твоем благоволении к нам, О Господь. Действуй по отношению к нам не так, как мы того заслуживаем, а так, как это пристало Тебе, Богу, Которым Ты являешься. Тогда нам нечего будет бояться ни в этом мире, ни в мире грядущем. Аминь.

Слово *добрый* значит для разных людей столь многое, что это краткое исследование Божественной доброты начинается с определения. Понять значение этого слова можно, только используя большое количество синонимов, уходя и вновь возвращаясь различными путями на одно и то же место.

Когда христианское богословие говорит, что Бог добр, оно говорит нечто иное, чем то, что Он праведен или свят. Святость Бога громко прославляется на небесах, и эхо этого прославления — голоса святых и мудрецов на земле, раздающиеся всякий раз, когда Бог являет Себя людям; однако сейчас мы рассматриваем не Его святость, но Его доброту, а это нечто совсем иное.

Доброта Бога — это то, что располагает Его к тому, чтобы быть добрым, радушным, благожелательным и исполненным доброй воли по отношению к людям. Сердце Его излучает нежность и живое сочувствие, и Его отношение ко всем моральным существам неизменно остается открытым, искренним и дружеским. По природе Своей Он склонен давать людям блаженство, и Он получает святое удовольствие от счастья Своего народа.

На каждой странице Библии прямо или косвенно говорится о том, что Бог добр, и это следует принять как составную часть веры, столь же непоколебимую, как престол Бога. Это краеугольный камень всякой нормальной мысли о Боге и необходимое условие нравственного здоровья. Допустить, что Бог может быть недобрым, — это значит отрицать ценность всякой мысли и в конечном счете отрицать всякое нравственное суждение. Если Бог не является добрым, то не может быть различия между добротой и жестокостью, и небеса могут быть адом, а ад — небесами.

Доброта Бога — это механизм, приводящий в действие все те благословения, которые Он ежедневно нам посылает. Бог создал нас, потому что Он добр в Своем сердце, и по той же причине Он искупил наши грехи.

Юлианна Норвичская, жившая шестьсот лет назад, ясно видела, что основа всякого блаженства — доброта Бога. Шестая глава ее невероятно прекрасной и проникновенной маленькой книжки, ставшей классикой, — «*Откровения Божественной любви*» — начинается со следующих слов: «Это было показано для того, чтобы научить наши души мудро прокладывать себе путь к доброте Бога». Затем она перечисляет несколько великих дел, сделанных ради нас Богом, и после каждого из них она добавляет: «По Своей доброте». Она видела, что вся наша религиозная деятельность и все способы проявления милосердия, какими бы правильными и полезными они ни были, — ничто до тех пор, пока мы не поймем, что за всеми делами Бога стоит Его непринужденная доброта, которую Он проявляет по отношению к людям вне зависимости от их заслуг.

Божественная доброта как одно из свойств Бога не имеет другой причины, кроме Самого Бога, она бесконечна, совершенна и вечна. Поскольку Бог неизменен, Он

никогда не изменяет степень Своей любви и доброты. Он никогда не был более добрым, чем сейчас, и Он никогда не будет менее добрым. Он не проявляет уважение к отдельным личностям, но заставляет лучи Своего солнца светить и злым, и добрым и посылает дождь на головы и справедливых, и несправедливых. Причина Его доброты — в Нем Самом: те, кто получают Его доброту, получают Его благодеяния независимо от своих заслуг и независимо от того, как они воздают Богу за Его доброту.

Рассудок соглашается с этим, также и нравственная мудрость, которая признает, что причина не в человеческом поведении, даже если это поведение самое лучшее и самое безупречное. В основе наших ожиданий — всегда доброта Бога. Покаяние, хотя оно и необходимо, не придает человеку заслуг, а является условием принятия милостивого дара прощения, который Бог дает по Своей доброте. Молитва сама по себе не является заслугой. Она не обязывает Бога ни к чему и не оставляет Его ни перед кем в долгу. Он слышит молитву, потому что Он добр, и ни по какой иной причине. Также и вера не заслуга человека; это просто доверие к доброте Бога, а отсутствие доверия — это порицание святого характера Бога.

Все взгляды людей на мир могли бы измениться, если бы они поверили, что живут под дружественным небом и что Бог на небесах хотя и высок в Своем могуществе и Своем величии, очень хочет быть нашим другом.

Но грех сделал нас робкими и застенчивыми, и в этом нет ничего удивительного. Годы бунта против Бога породили в нас страх, который не преодолеть за один день. Арестованный бунтарь не входит добровольно в присутствие царя, которого он долго и безуспешно пытался свергнуть. Но если он действительно раскаялся, он может подойти, доверяя только любви и доброте своего Господа, и его не обвинят в том, что он совершил в прошлом. Господин Экхарт воодушевляет нас, напоминая, что когда мы возвращаемся к Богу, даже если количество наших грехов столь же велико, как численность всего человечества, Бог все равно не будет обвинять нас в этих грехах, но отнесется к нам с таким доверием, как будто бы мы вовсе Никогда не грешили.

Человек, который, несмотря на свои прошлые грехи, искренне хочет помириться с Богом, возможно, спросит с осторожностью: «Если я приду к Богу, как Он поведет Себя по отношению ко мне? В каком Он будет настроении? Каким я Его увижу?»

Он будет точно таким, как Иисус. «Видевший Меня, — сказал Иисус, — видел Отца» (Ин. 14:9). Христос ходил по земле вместе с людьми, чтобы показать им, каков Бог, и чтобы раскрыть истинную природу Бога людям, которые имели о Нем неправильное представление. Это было лишь одно из тех дел, которые Он сделал, будучи здесь во плоти, но Он сделал это с чудесным совершенством.

От Него мы узнали, как Бог действует по отношению к людям. Лицемеры, неискренние по сути своей, увидят Его хладнокровным и отчужденным, каким они увидели когда-то Иисуса; но те, кто покается, увидят Его милосердным; те, кто осуждает себя, увидят Его великодушным и добрым. Для испуганных Он приветлив, для нищих духом — снисходителен, для незнающих — тактичен, для слабых — нежен, для чужестранцев — гостеприимен.

По нашему собственному отношению к Нему мы можем определить, как Он примет нас. Хотя доброта Бога бесконечна и подобна гигантскому потоку радушия, Бог не будет навязывать нам Свое внимание. Если мы хотим быть так же хорошо принятыми, как был принят блудный сын, то должны прийти так, как он пришел; а когда мы придем так же, как он, то пусть даже за дверями будут сердиться фарисеи и законники, все равно внутри будет праздник в честь нашего возвращения и будут музыка и танцы, когда Отец снова прижмет Свое дитя к Своему сердцу.

Величие Бога пробуждает в нас страх, но Его доброта дает нам возможность не бояться Его. Быть в страхе и не бояться — таков парадокс веры.

О Боже, моя надежда, мой покой на небесах.
Все мое счастье на земле.
Ответь на мою настойчивую просьбу,
Ко мне, ко мне прояви Свою доброту;
Покажи Свое блаженное лицо,
Сияние вечного дня.

Перед просветленными глазами моей веры
Пусть пройдет вся Твоя исполненная милости доброта;
Твоя доброта — это зрелище, которое я так высоко ценю,
О если бы я мог видеть Твое улыбающееся лицо,
Расскажи моей душе о Твоей природе.
Открой Твою любовь, Твое славное имя.

Чарлз Уэсли

Справедливость Бога

Отец наш, мы любим Тебя за Твою справедливость. Мы признаем, что Твои суждения полностью истинны и праведны. Твоя справедливость поддерживает порядок во Вселенной и гарантирует безопасность всем, кто доверяет Тебе. Мы живем, потому что Ты справедлив — и милосерден. Свят, свят, свят Господь Бог Всемогущий, праведный во всех Своих путях и святой во всех Своих делах. Аминь.

В написанном по Божьему вдохновению Священном Писании *справедливость* и *праведность* очень слабо отличаются друг от друга. Одно и то же слово оригинала по-английски переводится то как «справедливость», то как «праведность» (пожалуй, можно заподозрить, что это происходит по прихоти переводчика).

В Ветхом Завете справедливость Бога выражена ясным, богатым языком и так прекрасно, как нигде более в литературе всего человечества. Когда было объявлено о разрушении Содома, Авраам заступился за праведных людей, живших в этом городе, зная, что Бог в этой чрезвычайной для людей ситуации будет действовать как Ему присуще: «Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?» (Быт. 18:25).

Авторы Псалмов и пророки Израиля представляли себе Бога как всемогущего правителя, возвышенного и справедливого. «Облако и мрак окрест Его; правда и суд — основание престола Его» (Пс. 96:2). О долгожданном Мессии предсказывали, что Он будет судить людей праведно и к бедным будет справедлив. Святые, исполненные нежности и сочувствия к другим людям, возмущаясь несправедливостью мирских правителей, молились: «Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя! Восстань, Судия земли, воздай возмездие гордым. Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут?» (Пс. 93:1-3). Это следует понимать не как мольбу о личном отмщении, но как желание увидеть, что моральная справедливость торжествует в человеческом обществе.

Такие люди, как Давид и Даниил, признавали свою неправедность по сравнению с праведностью Бога, и поэтому их покаянные молитвы обретали великую силу и действенность. «У Тебя, Господи, правда, а у нас на лицах стыд» (Дан. 9:7). А когда долго не наступавший суд Божий начинает спускаться на мир, Иоанн видит победоносных святых, стоящих на поверхности моря из стекла, смешанного с огнем. В руках они держат Божьи арфы; песнь, которую они поют, — это песнь Моисея и Агнца, и тема этой песни — Божественная справедливость. «Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! праведны и истинны пути Твои, Царь святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои» (Отк. 15:3-4).

Справедливость воплощает идею морального равенства, а неравенство — прямо противоположное; неравенство — отсутствие равенства в человеческих мыслях и делах. Суд — это применение справедливости и равенства по отношению к моральным ситуациям, и этот суд может быть благосклонным или неблагосклонным к подсудимому в зависимости от того, справедлив или несправедлив был подсудимый в своем сердце и в своем поведении.

Иногда говорят: «Справедливость требует, чтобы Бог сделал это», словно мы знаем намерения Бога. Это ошибка и в мыслях, и в словах, ибо здесь выдвигается принцип справедливости, не зависящей от Бога, справедливости, которая заставляет Бога вести Себя определенным образом. Конечно, такого принципа не существует. Если бы он существовал, то был бы выше Бога, ибо только высшая власть может требовать повиновения. Истина в том, что нет и никогда не может быть ничего за пределами природы Бога, что могло бы повлиять на Него хотя бы в малейшей степени. Все Божьи помыслы проистекают из Его несотворенной сущности. Ничто не вошло в существо Бога из вечности, ничего из Него не было взято и ничто в Нем не было изменено.

Справедливость применительно к Богу — это название, которое мы даем тому, что есть Бог, и не более того; и когда Бог действует справедливо. Он делает это не для того, чтобы соответствовать какому-то независимому критерию, но просто поступает так, как Он поступил бы в данной ситуации. Подобно тому как золото само по себе является химическим элементом и никогда не может ни изменяться, ни идти на компромисс, а остается золотом, где бы его ни находили, так и Бог есть Бог, всегда единственный, во всей полноте Своего существа, и Он никогда не может быть кем-то, кроме Самого Себя. Все во Вселенной хорошо настолько, насколько оно соответствует природе Бога, и настолько плохо, насколько не соответствует ей. Бог — это Его собственный независимый принцип моральной справедливости, и когда Он выносит приговор злым людям и вознаграждает праведных, Он просто действует, исходя из Своих внутренних побуждений, подчиняясь только Самому Себе.

Все это, кажется (но только кажется!), разрушает надежду на оправдание вернувшегося к Богу грешника. Христианский философ святой Ансельм, архиепископ Кентерберийский, искал разрешения этого кажущегося противоречия между справедливостью и милостью Бога. «Как Ты щадишь злых, — спрашивал он у Бога, — если Ты полностью справедлив, и архи-справедлив?» Потом он посмотрел прямо на Бога в поисках ответа, ибо он знал, что ответ — в том, *что есть Бог*. Ответ, который получил святой Ансельм, можно перефразировать следующим образом: существо Бога едино; не состоит из гармонично взаимодействующих частей, а просто едино. В Его справедливости нет ничего такого, что препятствовало бы действию Его милости. Думать о Боге как о некоем добром судье вынужденным соблюдать закон, со слезами и с извинениями приговаривающим человека к смертной казни, — это значит думать о том, что недостойно истинного Бога. Бог никогда не противоречит Сам Себе. Ни одно из свойств Бога не находится в противоречии с каким-то другим свойством.

Сочувствие Бога проистекает из Его доброты, а доброта без справедливости — это не доброта. Бог щадит нас, потому что Он добр, но Он не мог бы быть добрым, если бы не был справедливым. Святой Ансельм приходит к выводу, что Бог наказывает злых людей только потому, что они заслужили это; а когда Он щадит злых людей, это происходит только потому, что это согласуется с Его добротой; таким образом, Бог делает то, что приличествует Ему как сверхдоброму Богу. В этом причина, и понять ее может человек лишь после того, как поверит Богу.

Христианское учение об искуплении грехов более просто объясняет, как Бог может быть справедливым и все-таки оправдывать несправедливых. Именно благодаря искупительной жертве Христа справедливость не попирается, а, наоборот, соблюдается, когда Бог щадит грешника. Богословие учит, что милосердие не будет эффективным до тех пор, пока справедливость не сделает свое дело. Справедливое наказание за грех было осуществлено тогда, когда Христос умер вместо нас на кресте. Тем не менее для обычного человека это событие может ничего не значить, а у верующего оно вызывает радость. Миллионы людей морально и духовно

преобразились благодаря этой вести, прожили жизнь, исполненную великой нравственной силой, и спокойно умерли, доверяя этой вести.

Эта весть о совершившемся правосудии и о действующем милосердии — не просто приятная богословская теория; она объявляет о событии, которое стало необходимым потому, что человечество в нем глубоко нуждалось. Из-за нашего греха нам всем вынесен смертный приговор, таково было бы решение суда, если бы суд рассмотрел нашу нравственную ситуацию. Когда бесконечная справедливость столкнулась с нашей хронической и умышленной несправедливостью, между ними вспыхнула жестокая война, война, которую выиграл Бог и которую Он должен был выиграть. Но когда кающийся грешник бросается к Христу в поисках спасения, моральная ситуация изменяется на противоположную. Справедливость сталкивается с изменившейся ситуацией и объявляет верующего человека справедливым. Таким образом, справедливость на самом деле переходит на сторону доверяющих Богу Божьих детей. В этом и заключается значение смелых слов апостола Иоанна: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1:9).

Но Божья справедливость всегда будет направлена против грешника. Смутная и призрачная надежда на то, что Бог слишком добр, чтобы наказывать безбожников, стала смертельным наркотиком для совести миллионов людей. Эта надежда заглушает их страхи и позволяет им ради собственного удовольствия совершать любую несправедливость, в то время как смерть с каждым днем приближается, а на призыв к покаянию не обращают внимания. Если мы ответственные и нравственные существа — мы не посмеем так легкомысленно относиться к нашему вечному будущему.

Иисус, Твоя кровь и Твоя праведность —
Моя краса, мое славное одеяние;
Среди пылающих миров, в этих одеждах,
С радостью я высоко подниму голову.
Смело буду я стоять в Твой великий день;
Ибо кто обвинит меня в чем-нибудь?
Благодаря этому я полностью прощен —
Мне прощены грех и страх, вина и стыд.

Граф Н. Л. фон Цинцендорф

Милосердие Бога

Святой Отец, Твоя мудрость приводит нас в восхищение, Твое могущество наполняет нас страхом. Твоя вездесущность превращает каждый клочок земли в святое место; как нам в достаточной мере отблагодарить Тебя за Твое милосердие, которое снисходит до самых глубоких наших нужд, чтобы дать нам красоту, вместо пепла, бальзам радости, вместо траура, вместо духа тягости — одежды хвалы? Мы благословляем и прославляем Твое милосердие благодаря Иисусу Христу нашему Господу. Аминь.

Когда через кровь вечного завета мы, дети мрака, достигнем наконец нашего дома, который во свете, у наших арф будут тысячи струн, но лучше всего зазвучат те струны, которые будут настроены на совершенную хвалу милосердию Бога.

Ибо по какому праву мы будем там? Разве мы, с нашими грехами, не приняли участие в нечестивом бунте, опрометчиво пытаясь свергнуть с престола славного Царя творения? И разве в прошлом мы не ходили мирскими путями, повинувшись воле лукавого, царствующего в мире, — духа, который действует сейчас в сынах неповиновения? И разве не жили мы никогда в похоти нашей плоти? И разве по природе своей мы не такие же дети гнева, как другие люди?

Но мы, бывшие когда-то враждебными и чуждыми Богу, предстанем перед Ним, и на челе нашем будет Его имя. Мы, заслужившие изгнание, будем наслаждаться общением с Богом; мы, заслужившие страдания ада, будем наслаждаться блаженством небес. И все это благодаря чуткому милосердию нашего Бога, с помощью которого небесная заря осенила нас.

Когда все Твое милосердие, о мой Бог,
Обозрит моя поднимающаяся вверх душа,
Очарованный этим видом, я буду поглощен
Изумлением, любовью и хвалой.

Джозеф Эддисон

Милосердие — это атрибут Бога, бесконечная и неисчерпаемая энергия внутри Божественной природы, располагающая Бога к активному сочувствию. И в Ветхом, и в Новом Завете провозглашается милосердие Бога, но в Ветхом Завете об этом говорится в четыре с лишним раза больше, чем в Новом.

Мы должны навсегда изгнать из наших умов общепринятое, но ошибочное представление о том, что справедливость и праведный суд характерны для Бога Израиля, в то время как милосердие и благосклонность характерны для Господа Церкви. На самом деле здесь нет принципиального различия между Ветхим Заветом и Новым. В Священном Писании Нового Завета более полно раскрывается истина об искуплении грехов, но в обеих частях Священного Писания говорит один и тот же Бог, и то, что Он говорит, согласуется с Тем, чем Он является. Где бы и когда бы Бог ни появлялся перед людьми, Он действует подобно Самому Себе. Будь то в Эдемском саду или в Гефсиманском саду, Бог одинаково милосерден и справедлив. Он всегда был милосерден по отношению к человечеству и всегда будет справедлив, проявляя

милосердие. Так Он делал до всемирного потопа, так же было и когда Христос ходил среди людей; так Он делает и сейчас и так будет делать всегда только по той причине, что Он — Бог.

Если бы мы могли помнить, что Божественное милосердие — это не временное настроение, но свойство вечного существа Бога, мы не боялись бы, что когда-нибудь это милосердие прекратится. Милосердие никогда не началось, оно существовало вечно; и оно никогда не прекратится. Оно никогда не возрастет, поскольку оно само по себе бесконечно; и оно никогда не уменьшится, потому что бесконечное не может уменьшаться. Ничто из того, что произошло или произойдет на небесах, или на земле, или в аду, не может изменить чуткое милосердие нашего Бога. Его милосердие остается навечно — бесконечная, несметная необъятность Божественной жалости и Божественного сочувствия.

Суд — это Божья справедливость, предстающая перед моральной несправедливостью, а милосердие — это милость Бога, предстающая перед страданием и виной людей. Если бы в мире не было вины, боли и слез, Бог все равно был бы бесконечно милосерден; но Его милосердие могло бы оставаться скрытым в Его сердце и неизвестным сотворенной Им Вселенной. Не раздалось бы ни одного голоса, чтобы прославить милосердие, в котором не было бы нужды. Божье милосердие вызывают человеческие несчастья и человеческие грехи.

«Господи, помилуй! Христос, помилуй!» — умоляла Церковь на протяжении столетий; но, если я не ошибаюсь, в этой мольбе я слышу ноту печали и отчаяния. Умоляющий крик, так часто повторяемый таким тоном, будто умоляющие уже примирились со всеми обстоятельствами и впали в уныние, заставляет подумать, что, пожалуй, они молят о даре, который на самом деле никогда не ожидают получить. Церковь может с сознанием выполненного долга воспевать величие Бога и читать символ веры бесконечное число раз, но ее мольба о милосердии звучит как очень слабая надежда, и не более того, как будто бы милосердие — это небесный дар, о котором можно только мечтать, но никогда на самом деле не воспользоваться.

Может быть, мы не можем постичь чистую радость сознательно испытанного милосердия в результате нашего неверия или нашего незнания, или же того и другого?

Когда-то так было с народом Израиля. «Ибо свидетельствую им, — говорил апостол Павел о народе Израиля, — что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению» (Рим. 10:2). Народ Израиля не постиг Бога, потому что не знал, по крайней мере, одной вещи, той самой, которая дала бы возможность понять различие. А о народе Израиля в пустыне автор Послания к Евреям говорит: «Но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших» (Евр. 4:2). Для того чтобы принять милосердие, мы должны сначала знать, что Бог милосерден. И недостаточно просто верить, что когда-то Он явил Свою милость Ною, или Аврааму, или Давиду и что когда-нибудь, в некий счастливый день в будущем, Он вновь явит Свое милосердие. Мы должны верить, что милосердие Бога беспредельно, свободно и через Иисуса Христа нашего Господа доступно нам сейчас, в нашей теперешней ситуации.

Мы можем всю жизнь молить о милосердии, не веря, и к концу наших дней мы будем лишь в печали надеяться на то, что где-то когда-то мы это милосердие получим. Это то же самое, что умереть от голода рядом с залом, в котором идет пир, на который нас радушно пригласили. Или мы можем, если захотим, с верой довериться милосердию Бога, войти в зал и сесть рядом со смелыми и алчущими душами, которые не позволят робости и неверию не пустить их на пир, где для них приготовлены обильные яства.

Поднимись, моя душа, поднимись;
Стряхни с себя страх вины;
Кровоточащая Жертва
Появляется ради меня:
Перед престолом стоит моя Уверенность,
Мое имя написано на Его руках.

Мой Бог примирен;
Я слышу Его прощающий голос:
Я принадлежу Ему как Его дитя;
Я могу больше не бояться:
С доверием я теперь приближаюсь к Нему
И кричу: «Отче, Авва, Отче!»

Чарлз Уэсли

Благодать Бога

Бог всей благодати, Чьи мысли о нас всегда исполнены покоя, а не зла, дай нам сердца, способные верить, что мы приняты Возлюбленным; и дай нам разум, способный восхищаться совершенством моральной мудрости, которая нашла способ сохранить в целостности небеса и все же принять там нас. Мы удивляемся и изумляемся, что Ты, такой святой и устрашающий, пригласил нас на Свой пир и сделал так, чтобы любовь, как знамя, развевалась над нами. Мы не в состоянии выразить благодарность, которую мы испытываем, но посмотри в наши сердца и прочти эту благодарность там. Аминь.

В Боге милосердие и благодать едины; но когда они достигают нас, они видны как два разных свойства, связанные друг с другом, но не идентичные.

Милосердие — это доброта Бога, которая сопоставляет страдания человека и его вину, благодать — это Его доброта, направленная на человеческие долги и недостатки. Именно благодаря Своей благодати Бог устанавливает заслуги там, где прежде их не было, и заявляет, что нет долга там, где он прежде был.

Благодать — это добрая воля Бога, которая позволяет Ему давать блага тем, кто этого не заслуживает. Этот независимый принцип, с самого начала существующий в Божественной натуре, проявляется как предрасположенность жалеть несчастных, щадить виновных, радушно принимать отверженных и проявлять благожелательность к тем, кто подвергался справедливому осуждению. Благодаря действию этого принципа мы, грешные люди, получаем спасение и возможность быть на небесах и на протяжении веков видеть величайшие богатства Божьей доброты в Иисусе Христе.

Мы получаем преимущества навеки потому, что Бог — Тот, Кто Он есть. И поэтому Он помогает нам гордо поднять головы в нашей тюрьме, переодевает нас из арестантских халатов в царские одежды и дает нам возможность всю жизнь вкушать хлеб в Его присутствии.

Благодать проистекает из самой глубины сердца Бога, из вызывающей благоговение непостижимой бездны Его святого существа; канал, по которому Божья благодать приходит к людям, — это Иисус Христос, распятый и воскресший. Апостол Павел, который больше, чем другие, говорил о Божьей благодати и искуплении грехов, никогда не отделяет Божью благодать от распятого Сына Божьего. В его учении они упоминаются вместе, в органичном единстве и неотделимо друг от друга.

Наиболее полно и точно сформулирована эта тема в его Послании к Ефессянам: «Предопределив усыновить нас Себе через Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление кровью Его, прощение грехов, по богатству благодати Его» (Еф. 1:5-7).

Также и Иоанн в своем Евангелии описывает Иисуса Христа как посредника, через которого Божья благодать достигает человечества: «Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1:17).

Но именно здесь легко сбиться с пути и уйти далеко от истины; некоторые люди так и сделали. Основываясь только на этом стихе, вне его связи с другими частями Священного Писания, где излагается учение о Божьей благодати, они сделали вывод о

том, что Моисей знал только закон, а Христос знает только благодать. Таким образом, Ветхий Завет представили как книгу закона, а Новый Завет — как книгу Божьей благодати. Но истина совсем в ином.

Закон был дан людям через Моисея, но он происходил не от Моисея. Он существовал в сердце Бога еще до того, как был сотворен мир. На горе Синай он стал сводом законов народа Израиля; но нравственные принципы, изложенные в нем, вечны. Никогда не было такого времени, когда закон не представлял бы волю Бога для человечества, и никогда не было такого времени, когда нарушение закона не влекло бы за собой наказания, хотя Бог был терпелив и иногда «смотрел сквозь пальцы» на злые дела, совершаемые людьми по неведению. Точные аргументы апостола Павла, изложенные в третьей и пятой главах его Послания к Римлянам, полностью проясняют этот вопрос. Источник христианской морали — любовь Христа, а не закон Моисея; и все же принципы морали, содержащиеся в законе, не были упразднены. Не существует никакого привилегированного класса, свободного от соблюдения праведности, предписанной законом.

Действительно, Ветхий Завет — книга закона, но не только закона. Перед всемирным потопом Ной «обрел благодать пред очами Господа» (Быт. 6:8), а после дарования закона Бог сказал Моисею: «Ты приобрел благоволение в очах Моих» (Исх. 33:17). И как может быть иначе? Бог всегда будет Самим Собой, а благодать — свойство Его святого существа. Он может скрывать Свою благодать не более, чем солнце может скрывать свой яркий свет. Люди могут бежать от солнечного света во тьму и в уходящие в глубь земли пещеры, где затхлый воздух и где стены покрыты плесенью, но эти люди не могут погасить солнце. Точно так же люди могут, считая себя свободными от тех или иных обязательств, игнорировать благодать Бога, но они не могут погасить ее.

Если бы времена Ветхого Завета были временами сурового, непреклонного закона, и ничего больше, то вся окраска раннего периода библейской истории была бы значительно менее яркой, чем та, которую мы видим в этих древних книгах. Не было бы Авраама - друга Бога; не было бы Давида - человека, который был по сердцу Богу; не было бы ни Самуила, ни Исаяи, ни Даниила. Одиннадцатая глава Послания к Евреям, где подчеркивается духовное величие Ветхого Завета, осталась бы непонятой и ненужной. Благодать Божья делала святость возможной во времена Ветхого Завета так же, как и сегодня.

Никто еще не был спасен иначе как по благодати Божьей, от Авеля и до настоящего времени. С тех пор как человечество было изгнано из Эдемского сада, никто еще не получил вновь расположение Бога иначе как по Его доброте. И где бы ни находила любого человека благодать Божья, это всегда происходило через Иисуса Христа. Благодать Божья действительно пришла через Иисуса Христа, но ей не нужно было ждать Его рождения в яслях или Его смерти на кресте, она действовала и до этого. Христос — Агнец, отданный на заклание с самого сотворения мира. Первый человек в истории, вернувшийся к дружбе Бога, сделал это через веру в Христа. В прежние времена люди жили в ожидании искупительной работы Христа, теперь, когда событие это совершилось, они постоянно возвращаются к нему, но всегда они приходили к Богу по Его милости, через веру.

Мы также должны иметь в виду, что благодать Бога бесконечна и вечна. У нее не было начала, и точно так же она не может иметь конца; будучи свойством Бога, она безгранична как сама бесконечность.

Вместо того чтобы стараться понять это как богословскую истину, лучше и проще было бы сравнить Божью благодать с нашей нуждой в ней. Мы никогда не узнаем, сколь велик наш грех, и в этом нет никакой необходимости. Но мы хорошо

должны знать, что, «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5:20).

«Умножить» грех — это самое плохое, что мы могли и можем сделать. Слово «умножить» определяет предел наших ограниченных способностей; и хотя мы чувствуем, что наши пороки поднимаются над нами, словно гора, все-таки гора имеет определенные границы: она имеет определенную величину, определенную высоту, определенный вес, и не более того. Но кто сможет определить безграничную благодать Бога? Она «преизобилует», уводя наши мысли в бесконечность и оставляя их там. Хвала Богу за Его великую благодать!

Мы, чувствуящие себя лишенными дружбы с Богом, можем теперь поднять наши опущенные головы и посмотреть вверх. Благодаря искупившей наши грехи смерти Христа причины нашего изгнания из Рая больше не существуют. Мы можем вернуться, подобно блудному сыну, и нас с радостью встретят. Когда мы приближаемся к саду Эдемскому, который был нашим домом до грехопадения, пылающий меч убирают. Хранители древа жизни отходят в сторону, когда они видят, как приближается сын благодати.

Вернись, о скиталец, теперь вернись,
И ищи лица твоего Отца;
Эти новые желания, которые горят в тебе
Зажжены Его благодатью.

Вернись, о скиталец, теперь вернись,
И вытри льющиеся из твоих глаз слезы:
Твой Отец зовет тебя, не горюй больше;
Тебя просит приблизиться к Нему Его любовь.

Уильям Бенко Кольер

Любовь Бога

Отец наш Небесный, мы, дети Твои, часто бываем обеспокоены нашими мыслями, слыша, как внутренний наш голос произносит одновременно и подтверждение веры, и упреки совести. Мы уверены, что в нас нет ничего, что могло бы привлечь любовь такого святого, как Ты. И все-таки Ты объявил о Своей неизменной любви к нам во Христе Иисусе. Ничто в нас не может привлечь Твою любовь, и вместе с тем ничто во Вселенной не может помешать Тебе любить нас.

Твоя любовь не имеет причины, и мы не заслужили Твоей любви. Ты Сам — причина той любви, которой Ты любишь нас. Помогни нам поверить в силу и вечность этой любви, которая нашла нас. Тогда любовь отбросит в сторону страх, и в наших обеспокоенных сердцах установится мир, и мы будем верить в Тебя Такого, каким Ты явил себя. Аминь.

Апостол Иоанн написал по вдохновению Святого Духа: «Бог есть любовь», и некоторые воспринимали и воспринимают эти слова как определение сущности Бога. Это большая ошибка. Иоанн с помощью этих слов просто констатировал факт, но не предлагал никакого определения.

Отождествление любви и Бога — это крупная ошибка, которая способствовала появлению значительной части нездоровой религиозной философии и целого потока пустой поэзии, полностью несовместимой со Священным Писанием и не имеющей ничего общего с историческим христианством.

Если бы апостол сказал, что любовь — это то, что есть Бог, нам бы пришлось допустить, что Бог — это то, что есть любовь. Если в буквальном смысле Бог есть любовь, то в буквальном смысле любовь есть Бог, и мы тогда обязаны молиться любви как единственному существующему Богу. Если любовь равна Богу, то Бог равен любви и Бог и любовь идентичны. Таким образом мы разрушаем концепцию личности Бога и полностью отрицаем все Его атрибуты, кроме одного, и это одно свойство мы выдвигаем в качестве заменителя Бога. Тот Бог, который у нас после этого останется, не Бог Израиля; Он не Бог и не Отец нашего Господа Иисуса Христа; Он не Бог пророков и апостолов; Он не Бог святых, реформаторов и мучеников и даже не Бог богословов и авторов церковных песнопений.

Ради наших душ мы должны научиться понимать Священное Писание. Мы должны бежать от рабского преклонения перед словами и вместо этого строго руководствоваться смыслом. Слова должны выражать мысли, а не порождать их. Мы говорим, что Бог есть любовь; мы говорим, что Бог есть свет; мы говорим, что Бог есть истина; и мы подразумеваем, что эти слова будут восприниматься так же, как воспринимаются слова в тех случаях, когда мы говорим о каком-нибудь человеке: «Он — сама доброта». Сказав это, мы не утверждаем, что доброта и этот человек идентичны, и никто эти слова не воспринимает так.

Слова «Бог есть любовь» означают, что любовь — это один из важнейших атрибутов Бога. Любовь — это нечто истинное, что можно сказать о Боге, но она не является Богом. Это одно из проявлений неделимой сущности Бога, точно так же, как и слова «святость», «справедливость», «верность» и «истина». Поскольку Бог неизменен. Он всегда в Своих действиях соответствует Самому Себе, и поскольку Он — единое

существо, Он никогда не упраздняет одно из Своих свойств для того, чтобы использовать другое.

Изучая другие атрибуты Бога, мы многое можем узнать о Его любви. Например, мы знаем, что поскольку Бог существует Сам по Себе, у Его любви не было начала; поскольку Он вечен, Его любовь не может иметь конца; поскольку Он бесконечен, Его любовь не имеет пределов; поскольку Он свят, Его любовь является квинтэссенцией всей безупречной чистоты; поскольку Он велик, Его любовь бесконечно огромна, это бездонное, безбрежное море, перед которым мы преклоняем колена в радостном молчании и перед которым отступает в смущении и замешательстве самое возвышенное красноречие.

И все-таки если мы знаем Бога и хотим рассказать другим о том, что мы знаем, мы должны говорить о Его любви. Все христиане пытались делать это, но никому не удавалось сделать это очень хорошо. Мои попытки правдиво описать эту тему, вызывающую благоговение и удивление, — не более, чем попытка ребенка схватить звезду. И все-таки, протягивая руку к звезде, ребенок может привлечь к ней внимание окружающих и даже показать им, в какую сторону надо смотреть, чтобы увидеть эту звезду. Когда я протягиваю мое сердце к высоко сияющей любви Бога, кто-нибудь, раньше о ней не знавший, может быть, тоже посмотрит вверх, и у него появится надежда.

Мы не знаем и, может быть, никогда не узнаем, что такое любовь, но мы можем знать, как она проявляется, и этого нам достаточно. Прежде всего мы видим, что она проявляется в виде доброго расположения. Любовь желает добра всем и не желает вреда или зла никому. Это ясно из слов апостола Иоанна: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18). Страх — это болезненное чувство, которое возникает при мысли о том, что нам могут причинить вред или заставить страдать. Этот страх сохраняется, пока мы находимся под властью кого-то, кто не желает нам благополучия. В тот самый момент, когда мы приходим под покровительство того, кто благоволит нам, страх исчезает. Ребенок, потерявшийся в магазине в толпе покупателей, исполнен страха, потому что он смотрит на окружающих его незнакомых людей, как на врагов. Спустя мгновение, когда ребенок оказывается на руках у матери, этот ужас отступает: ребенок знает о благосклонности матери к нему, и это изгоняет страх.

Мир полон врагов, и пока существует вероятность, что эти враги причинят нам вред, страх неизбежен. Попытка победить страх, не ликвидировав его причины, совершенно бесполезна. Сердце мудрее тех, кто проповедует спокойствие. Пока мы находимся в руках случая, пока мы ищем надежду в теории вероятности, пока мы должны надеяться на то, что выживем благодаря нашей способности перехитрить врага, у нас есть все основания бояться. И страх мучит нас.

Знать, что любовь — от Бога, и входить в никому неведомое место под руку с Возлюбленным, — так и никак иначе можно изгнать страх. Пусть человек будет убежден, что ничто не может причинить ему вреда, и тут же весь страх исчезнет из всей Вселенной. Может быть, иногда будет ощущаться нервный рефлекс, естественное неприятие физической боли, но глубоко проникающий в душу мучительный страх ушел навсегда. Бог есть любовь, и Бог есть Властелин всего. Его любовь побуждает Его желать нам вечного благополучия, а Его верховная власть позволяет Ему это благополучие обеспечить. Ничто не может причинить вреда праведному человеку.

Тело они могут убить,
Но истина Божья все равно останется,
Его царство — навек.

Божья любовь говорит нам, что Он относится к нам по-дружески, а Его Слово уверяет нас, что Он — наш друг и что Он хочет, чтобы мы были Его друзьями. Ни один человек, имеющий хоть немного скромности, сам не подумает о том, что он — друг Бога; но мысль об этом исходит не от людей. Авраам никогда бы не сказал: «Я - друг Бога», но Сам Бог сказал Аврааму, что он Его друг. Ученики Христа не решились бы признать, что они Его друзья, но Христос сказал им: «Вы друзья Мои» (Ин. 15:14). Скромность, может быть, и заставит нас сомневаться, как только мы об этом подумаем, но дерзкая вера осмелится поверить Слову и претендовать на дружбу с Богом. Мы окажем Богу большую честь, если поверим в то, что Он Сам сказал, и осмелимся, не колеблясь, прийти к престолу Его благодати, чем если мы будем прятаться от Него, охваченные застенчивостью и скромностью, словно Адам среди деревьев в саду.

Любовь — это и эмоциональная идентификация. Она ничто не рассматривает как свое собственное, а все свободно отдает предмету своего обожания. Мы постоянно видим это в нашем мире. Молодая мать, худая и уставшая, кормит грудью пухленького и здорового младенца и при этом не только не жалуется, но и глядит на ребенка глазами, сияющими от счастья и гордости. Самопожертвование типично для любви. Христос сказал о Себе: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

В том, что свободный Бог позволил Своему сердцу эмоционально идентифицироваться с людьми, заключается Его странная и прекрасная эксцентричность. Будучи ни от кого не зависимым, Он хочет нашей любви и не будет удовлетворен, пока не получит ее. Будучи свободным, Он позволил Своему сердцу привязаться к нам навсегда. «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1 Ин. 4:10).

«Ибо Тот, Кто выше всех, так по-особенному любит нашу душу, — говорит Юлианна Норвичская, — что это не подвластно разумению всех сотворенных существ; то есть, нет сотворенного существа, которое могло бы знать, как сильно, как чудесно и как нежно наш Создатель любит нас. И поэтому мы можем с благодатью и с Его помощью смотреть мысленным взором в вечном изумлении на ту возвышенную, все превосходящую бесценную любовь, которую Всемогущий Бог испытывает к нам по Своей доброте».

Для любви также характерно, что ее объект доставляет ей удовольствие. Бог получает удовольствие оттого, что Он создал. Апостол Иоанн искренне говорит, что цель, для которой Бог сотворил мир, — это Его собственное удовольствие. Бог счастлив в Своей любви ко всем, кого Он создал. Мы не можем не заметить чувства удовольствия, с которым Бог восторженно отзывается о Своих творениях. Псалом 103 — это написанная по Божественному вдохновению поэма о природе; в ней выражено столько счастья, что ее можно, пожалуй, назвать восторженной, в каждой ее строке чувствуется восхищение Бога. «Да будет Господу слава во веки; да веселится Господь о делах Своих!» (Пс. 103:31).

Особенное удовольствие доставляют Богу Его святые. Многие думают, что Бог находится далеко, что Он угрюм и всем очень недоволен, что Он с неизменной апатией смотрит вниз, на землю, интерес к которой потерял уже давным-давно; но это ошибочное мнение. Действительно, Бог ненавидит грех и никогда не будет смотреть с удовольствием на несправедливость, но когда люди пытаются выполнять Божью волю. Он отвечает на это искренним чувством. Христос Своей искупительной жертвой убрал барьер, отделявший людей от дружбы с Богом. Теперь во Христе все верующие души - объекты восхищения Бога. «Господь Бог твой среди тебя: Он силен спасти тебя;

возвеселится о тебе радостью, будет милостив по любви Своей, будет торжествовать о тебе с ликованием» (Соф. 3:17).

Согласно книге Иова, Бог сотворил мир под музыку. «Где был ты, когда Я полагал основания земли?.. — спрашивает Бог. — ...При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божий восклицали от радости?» (Иов. 38:4,7). Джон Драйден развил эту мысль еще дальше, но, может быть, не настолько далеко, чтобы сделать ее неправдоподобной:

От гармонии, от небесной гармонии
Было положено начало этому облику Вселенной:
Когда природа лежала внизу грудой
Хаотично нагроможденных атомов
И не могла поднять голову,
С небес раздался мелодичный голос:
«Поднимись, ты не мертвая!»
Тогда холодное и горячее, влажное и сухое —
Все быстро встало на свои места,
И подчинилось власти музыки.
От гармонии, от небесной гармонии
Было положено начало этому облику Вселенной:
От гармонии до гармонии
Через все ноты прошло сотворение Вселенной,
И в завершающем регистре был сотворен Человек.

Из песни на день святой Цецилии

Музыка — это одновременно и выражение, и источник удовольствия, а самое чистое и самое близкое к Богу удовольствие — это удовольствие любви. Ад - это место, где нет удовольствия, потому что там нет любви. Рай наполнен музыкой, потому что это место, где изобилуют удовольствия святой любви. Земля — это место, где удовольствия любви смешаны с болью, ибо здесь есть грех, и ненависть, и злая воля. В таком мире, как наш, любовь иногда должна страдать, как страдал Христос, отдавая Себя для спасения Своих людей. Но нам дано твердое обещание, что причины печали в конце концов будут устранены и что новые люди будут вечно наслаждаться миром самоотверженной, совершенной любви.

Для любви характерна творческая активность. «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:8). «...так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин. 3:16). Так и должно быть там, где есть любовь; любовь всегда должна отдавать что-то предмету любви, чего бы это ни стоило. Апостолы подвергали резкой критике молодые церкви, потому что некоторые из их членов забыли об этом и позволили своей любви тратить себя понапрасну на личное удовольствие, в то время как их братья были в нужде. «А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?» (1 Ин. 3:17). Так писал апостол Иоанн, который на протяжении столетий был известен как любимый ученик Иисуса.

Любовь Бога — это одна из великих реальностей Вселенной, это столп, поддерживающий надежду всего мира. Но это также и нечто личное, интимное. Бог любит не население земли, а народ. Он любит не массы, а людей. Он любит всех нас великой любовью, которая не имеет начала и не может иметь конца.

В практике христианства содержится так много любви, что это отличает христианство от всех других религий и высоко возвышает его над самой чистой и

самой благородной философией. Высокое содержание любви — это не предмет; это Сам Бог среди Своей Церкви, ликующий о Своем народе. Истинная христианская радость — это гармоничный ответ сердца на Господню песнь любви.

Ты, скрытая любовь Бога, чья высота.
Чья глубина бесконечны, не известны никому,
Я издали вижу Твой прекрасный свет,
В глубине души я вздыхаю, прося у Тебя покоя;
Мое сердце изболелось, оно не может
Успокоиться до тех пор, пока не найдет
покой в Тебе.

Герхард Терстеген

Святость Бога

Слава Богу в вышних. Мы славим Тебя, мы благословляем Тебя, мы поклоняемся Тебе за Твою великую славу. Господи, я произнес то, что я не понимал; это слишком чудесно для меня, и я не знал этого. Я слышал о Тебе ушами, но теперь глаза мои видят Тебя, и я презираю себя, я признаю, что я — пыль и прах. О Господь, я закрою рукой мои уста. Один раз, нет, два раза, я говорил, но больше я говорить не буду.

Но пока я размышлял, огонь горел. Господь, я должен говорить о Тебе, чтобы своим молчанием не оскорбить поколение Твоих детей. Смотри, Ты сделал так, что в этом мире глупое смешивается с мудрым, слабое — с сильным. О Господь, не оставь меня. Дай мне показать Твою силу этому поколению и Твое могущество всем, кто придет потом. Возрасти пророков и провидцев в Твоей Церкви, чтобы они умножили Твою славу и через Твой Всемогущий Дух дай Твоему народу вновь познать святость. Аминь.

Моральный шок, который мы пережили из-за великого разрыва с волей небес, нанес нам травму, которая поражает каждую часть нашей натуры. Эта болезнь и в нас самих, и в том, что нас окружает.

Внезапное понимание собственной порочности, подобно удару, обрушившемуся с неба, поразило дрожащее сердце Исаяи в тот самый момент, когда он увидел перевернувшее все его взгляды видение святости Бога. Его исполненный боли крик: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис. 6:5) выражает чувство каждого человека, которому открылась скрытая ранее собственная сущность, когда он мысленным взором увидел перед собой ту святую безупречность, которой является Бог. Такое не может не быть сильным эмоциональным переживанием.

Пока мы не увидим себя такими, какими нас видит Бог, мы едва ли будем беспокоиться о том, что окружает нас, если только это не будет так или иначе угрожать комфорту нашей жизни. Мы научились жить с пороком и привыкли смотреть на него как на нечто естественное и само собой разумеющееся. Мы не расстраиваемся оттого, что не находим всей правды в наших учителях, или верности в наших политиках, или полной честности в наших торговцах, или полной доверительности в наших друзьях. Чтобы существовать дальше, мы создаем такие законы, которые защищают нас от других людей и оставляют все так, как оно есть.

Ни тот, кто пишет эти слова, ни тот, кто их читает, не могут оценить святость Бога. Можно сказать, что новый канал должен быть прорыт через пустыню наших умов для того, чтобы дать возможность течь в них сладким водам истины, которые исцелят нашу великую болезнь. Мы не можем понять истинное значение Божественной святости, думая о ком-то или о чем-то очень чистом и непорочном, а потом поднимая это понятие до самой высокой степени, какую мы только можем себе представить. Божья святость — это не просто самое лучшее, что мы знаем, а улучшенное до бесконечности. Мы не знаем ничего, подобного Божьей святости. Она стоит в стороне от всего, она уникальна, она не имеет себе равных, она непостижима и недосягаема. Естественный человек не видит ее. Он, может быть, боится могущества Бога и восхищается Его мудростью, но Его святость он даже не может себе представить.

Только Дух Того, Кто свят, может передать человеческому духу знание о святости. Подобно тому как электричество проходит только через проводник, Дух проходит через истину, и Он должен найти в человеческом уме какое-то количество истины, прежде чем Он сможет осветить сердце этого человека.

Вера пробуждается, услышав голос истины, но на другие звуки она не реагирует. «Итак, вера от слышания, а слышание от Слова Божия» (Рим. 10:17). Богословское знание — это среда, через которую Дух вливается в человеческое сердце до того, как истина сможет породить веру. Дух Божий есть Дух истины. Человек может иметь в своем уме какое-то количество истины, не имея Духа в сердце, но никогда не бывает так, чтобы был Дух без истины.

В своем проникновенном исследовании святости Рудольф Отто большое внимание уделяет присутствию в человеческом уме чего-то, что он называет «numinous» (от *numen* — божество, бог — *прим. перев.*). Очевидно, под этим он подразумевает ощущение, что в мире есть Нечто смутное, непостижимое, *Mysterium Tremendum* — тайна, внушающая трепет, тайна, окружающая и окутывающая собой Вселенную. Это есть *нечто такое*, что вызывает благоговение и что нельзя постичь с помощью интеллекта, а можно только ощутить и почувствовать в глубинах человеческого духа. Оно сохраняется в качестве постоянного религиозного инстинкта, чувства не имеющего названия неуловимого *присутствия*, которое, «как ртуть, пробегает по жилам сотворенного существа» и иногда озадачивает наш ум, проявляя себя сверхъестественным и иррациональным образом. Человек, столкнувшийся с такого рода проявлением, бывает поражен, ошеломлен и может только трепетать и хранить молчание.

Этот иррациональный страх, это ощущение несотворенной тайны мира находится за пределами религии. Чистая религия Библии в не меньшей степени, чем самое низкое идолопоклонство ходивших нагими первобытных людей, существует только потому, что этот основной инстинкт присутствует в человеческой натуре. Конечно, различие между религией пророка Исайи или апостола Павла и религией идолопоклонника заключается в том, что в религии пророка Исайи или апостола Павла есть истина, а в религии идолопоклонника истины нет; у идолопоклонника есть только «божественный» инстинкт. Идолопоклонник «интуитивно чувствует» неизвестного бога, а Исайя и Павел нашли истинного Бога благодаря написанному по Его вдохновению Священному Писанию, где Он раскрыл Свою сущность.

Это ощущение тайны, даже *Великой Тайны*, составляет основу человеческой природы и неотделимо от религиозной веры, но этого ощущения недостаточно. Благодаря этому ощущению люди могут лишь шептать: «Это нечто, внушающее благоговение», но они не кричат: «Святой мой!» (Авв. 1:12). В Священном Писании иудеев и христиан Бог Сам раскрывает Свою сущность и наделяет ее личностными свойствами и моральным содержанием. Это вызывающее благоговение *присутствие* показано не как *нечто*, а как моральное *существо со* всеми качествами настоящей личности. Более того, Он — абсолютная квинтэссенция нравственного совершенства, Он бесконечно совершенен в праведности, чистоте, честности и непостижимой святости. И со всеми этими качествами Он не был сотворен, ни от кого не зависит, непостижим для человеческой мысли, и Его невозможно выразить словами человеческого языка.

Благодаря самораскрытию Бога в Священном Писании и вдохновению, данному Святым Духом, христианин получает все и ничего не теряет. К его собственному представлению о Боге добавляются две связанные между собой концепции: концепция личности и концепция морального характера, но при этом остается изначальное чувство удивления и страха в присутствии наполняющей мир тайны. Сегодня его

сердце может радостно биться, и он может кричать: «Авва Отче, мой Господь и мой Бог!» Завтра он может, дрожа от восторга, стоять на коленях, восхищаясь Всевышним, Который обитает в вечности, и преклоняться перед Ним.

Святость — это характеристика бытия Бога. Для того чтобы быть святым, Он не подстраивается ни под какой стандарт. Он Сам — этот стандарт. Он абсолютно свят с бесконечной, непостижимой полнотой чистоты, которая не может быть ничем иным, кроме того, что она есть. Поскольку Он свят, все Его атрибуты святы; то есть всякий раз, когда мы думаем о чем-то, принадлежащем Богу, мы должны думать об этом как о святом.

Бог свят, и Он сделал святость моральным условием, необходимым для здоровья Его Вселенной. Временное присутствие греха в мире только подчеркивает это. Все, что свято, — здорово; зло — это нравственная болезнь, которая в конце концов должна закончиться смертью. Даже словообразование предполагает эту мысль. В английском языке слово «святой» — holy - происходит от англосаксонских слов halig hal, которые означали «здоровый», «целый».

Поскольку Бог прежде всего заботится о нравственном здоровье Своей Вселенной, то есть о ее святости, то все, что направлено против святости Вселенной, постоянно вызывает Его неудовольствие. Чтобы сохранять Свое творение, Бог должен уничтожать все, что может Его творение уничтожить. Говорят, что Он гневается, когда решает покончить с пороком и спасти мир от непоправимого морального падения. Всякий исполненный гнева Божий суд в истории мира был действием, направленным на сохранение Его творений. Святость Бога, гнев Бога и здоровье Божьих творений неразрывно связаны. Божий гнев — это просто Его непримиримое отношение ко всему, что ведет к деградации и гибели. Он ненавидит порок, как мать ненавидит полиомиелит, который может унести жизнь ее ребенка.

Бог свят абсолютной святостью, не знающей степеней, и эту святость Он не может передать Своим творениям. Но есть относительная и зависящая от обстоятельств святость, которую Он разделяет с ангелами и серафимами на небесах и с людьми, чьи грехи искуплены, — на земле, где эти люди готовятся к жизни на небесах. Эту святость Бог может передать и передает Своим детям. Он делится с ними этой святостью, вменяя им ее в заслугу и передавая ее. Поскольку Он сделал эту святость доступной для них через кровь Агнца, Он требует, чтобы у них была эта святость. Бог говорил сначала Израилю, а потом Своей Церкви: «Будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет. 1:16). Он не сказал: «Будьте святы, как Я», потому что это означало бы потребовать от нас абсолютной святости, чего-то такого, что принадлежит только Богу. Перед несотворенным огнем Божьей святости ангелы закрывают свои лица. Да, в Его глазах небеса не чисты и звезды не безупречны. Ни один честный человек не может сказать: «Я свят», но при этом ни один честный человек не захочет игнорировать важные слова, написанные по вдохновению Божьему: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14).

Что делать христианам, чтобы разрешить это противоречие? Мы должны, подобно Моисею, укрыться за верой и скромностью, бросая беглый взгляд на Бога, Которого ни один человек не может увидеть и остаться после этого в живых. Бог не будет презирать разбитое и сокрушающееся сердце. Мы должны спрятать наши пороки в ранах Христа, подобно тому, как Моисей спрятался в расселине скалы, когда слава Божья проходила мимо него. Мы должны укрыться от Бога в Боге. Прежде всего мы должны верить, что Бог видит нас совершенными в Своем Сыне, дисциплинируя, сдерживая и очищая нас, чтобы мы могли быть сопричастны Его святости.

Веря, повинуюсь, постоянно размышляя о святости Бога, любя праведность, ненавидя порок и знакомясь все ближе с Духом святости, мы можем привыкнуть к

дружбе со святыми на земле и подготовить себя к вечной дружбе с Богом и со святыми на небесах. И, как говорят при встрече смиренные верующие люди: «У нас здесь будут небеса, чтобы мы потом были на небесах».

Как страшны Твои вечные годы,
О вечный Господь!
Духи, распростертые перед Тобой, день и ночь
Беспрерывно поклоняются Тебе!

Как прекрасен, как прекрасен,
Должно быть, Твой вид,
Как прекрасны Твоя бесконечная мудрость,
Твое беспредельное могущество
И Твоя праведность, вызывающая благоговение!

О, как я боюсь Тебя, живой Бог!
Глубочайшим, самым чувствительным страхом,
И я преклоняюсь пред Тобой с трепещущей надеждой
И со слезами покаяния.

Фредерик У. Фэйбер

Верховная власть Бога

Кто не испугается Тебя, Господь Бог Саваоф, Высокий и Превознесенный? Ибо Ты — единый Господь. Ты создал небеса и небеса небес, землю и все, что есть на ней, и в Твоих руках душа каждого живого существа. Ты — Царь, восседающий на престоле над морями. Ты — Царь, восседающий на престоле вечно. Ты — великий Царь над всей землей. Ты облачен в силу; пред Тобою — честь и величие. Аминь.

Верховная власть Бога — это свойство, с помощью которого Он правит всеми Своими творениями; а для того чтобы обладать верховной властью, Богу нужно быть всезнающим, всемогущим и абсолютно свободным. И вот почему.

Если бы было что-то, пусть даже совсем небольшое и незначительное, что не было бы известно Богу, Его правление прекратилось бы на этом. Для того чтобы быть Господом всех Своих творений, Он должен обладать всеми знаниями. А если бы Богу не хватало хотя бы самой небольшой частицы могущества, этот недостаток положил бы конец Его царствованию и разрушил бы Его царство; этот один заблудившийся где-то атом могущества принадлежал бы кому-то другому, и Бог был бы ограничен в Своем правлении и, следовательно, не обладал бы верховной властью.

Далее, Его верховная власть требует, чтобы Он был абсолютно свободен, это означает, что Он должен быть волен делать все, что захочет, в любом месте и в любое время, чтобы достичь Своей вечной цели даже в самом малом без чьего-либо вмешательства. Если бы Он был не полностью свободен, Его власть не была бы полностью верховной.

Чтобы постичь идею неограниченной свободы, необходимо большое напряжение ума. Мы психологически не подготовлены к тому, чтобы понимать свободу иначе как в ее несовершенных формах. Наши представления о свободе сформировались в мире, где не существует абсолютной свободы. Здесь каждый естественный объект зависит от многих других объектов, и эта зависимость ограничивает его свободу.

Уордсворт в начале своей «Прелюдии» радовался тому, что убежал из большого города, где был долго заключен, как в темнице, и что теперь он «свободен, свободен, как птица», и может жить где хочет. Но быть свободным, как птица, вовсе не значит быть свободным. Натуралист знает, что птица, о которой говорят, что она свободна, на самом деле всю жизнь живет в плену страхов, голода и инстинктов; ее свобода ограничивается погодными условиями, изменяющимся атмосферным давлением, количеством пищи в данной местности, хищными зверями, а сильнее всего — непреодолимым стремлением оставаться в пределах небольшого участка земли и воздуха, который отведен ей в соответствии с существующими у птиц законами. Самая свободная птица, как и всякое сотворенное существо, может делать только то, что позволяет ей опутывающая ее сеть необходимости. Только Бог свободен.

Говорят, что Бог абсолютно свободен потому, что никто и ничто не может ни помешать Ему, ни заставить Его делать что-либо, ни остановить Его. Он может действовать по Своему усмотрению всегда, везде и вечно. Быть до такой степени свободным означает также обладать властью над всем. Из Священного Писания мы

знаем, что Он обладает безграничным могуществом; об этом мы также можем узнать, рассматривая некоторые другие Его свойства. Но что можно сказать о Его власти?

Похоже, не имеет смысла даже обсуждать власть Всемогущего Бога, а подвергать ее сомнению было бы просто абсурдно. Разве мы можем представить себе, что Господь Бог вынужден просить у кого-то разрешения или обращаться с прошением в более высокую инстанцию? К кому пошел бы Бог за разрешением? Кто выше, чем Всевышний? Кто могущественнее, чем Всемогущий? Чья должность выше, чем должность Вечного? Перед чьим престолом склонил бы Бог колена? Где более великий, к кому Он должен обращаться с просьбой? «Так говорит Господь, Царь Израиля и Искупитель его, Господь Саваоф: Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет Бога» (Ис. 44:6).

Верховная власть Бога — это факт, о котором ясно говорится в Священном Писании и о котором во всеуслышание свидетельствует логика истины. Но предполагается, что из этого факта вытекают некоторые проблемы, которые до сих пор не имеют удовлетворительного решения. Основных проблем здесь две.

Первая проблема — это присутствие среди Божьих творений такого, что Бог не может одобрить, например зла, боли и смерти. Если Бог обладает верховной властью, то Он мог бы предотвратить их появление. Почему же Он этого не сделал?

В «Зенд-Авесте» — священной книге зороастризма — самой возвышенной из великих небиблейских религий эта сложность довольно аккуратно обойдена путем провозглашения богословского дуализма. Есть два бога — Ахурамазда и Анхра-Майнью, и они вдвоем сотворили мир. Добрый Ахурамазда сотворил все хорошее, а злой Анхра-Майнью сотворил все остальное. Это было довольно просто. Ахурамазда не имел верховной власти, по поводу которой нужно было бы беспокоиться, и, очевидно, не возражал против того, чтобы разделить свои полномочия с кем-то другим.

Для христианина такое объяснение не подходит, ибо оно явно противоречит той истине, которая так подчеркивается во всей Библии, — что Бог один и что только Он один сотворил небеса, землю и все, что есть на земле. Атрибуты Бога таковы, что они делают невозможным существование другого бога. Христианин признает, что он не может дать окончательного ответа на загадку о присутствии в мире зла. Но он знает, каким этот ответ не может быть. И он знает, что в *Зенд-Авесте* тоже нет окончательного ответа.

В то время как полное объяснение происхождения зла скрыто от нас, мы все-таки кое-что об этом знаем. В Своей верховной мудрости Бог допустил существование зла в строго ограниченных областях Своего творения, зло — это своего рода преступник, скрывающийся от наказания, его действия ограничены во времени и ограничены по своим возможностям. Делая это, Бог действовал в соответствии со Своей бесконечной мудростью и добротой. Больше этого сейчас никому неизвестно, да и не нужно никому знать больше этого. Имя Бога — достаточная гарантия, чтобы мы могли не сомневаться в том, что Его дела совершенны.

Другая несомненная проблема связана с волей человека. Если Бог правит Своей Вселенной по Своим царственным указам, то как может человек обладать свободой выбора? А если он не может обладать свободой выбора, то как он может отвечать за свое поведение? Разве он не марионетка, все действия которой определяются стоящим за сценой Богом, Который дергает за ниточки так, как Ему нравится?

Попытка ответить на эти вопросы четко разделила христианскую церковь на два лагеря, названия которых происходят от имен двух выдающихся богословов — Якоба Арминия и Жана Кальвина. Большинство христиан довольствуются тем, что оказываются в том или другом лагере и отрицают либо верховную власть Бога, либо свободную волю человека. Однако представляется возможным примирить обе точки

зрения, не игнорируя ни ту ни другую, хотя описанная ниже попытка может показаться неубедительной сторонникам одного или другого лагеря.

Моя точка зрения такова: Своей верховной властью Бог дал человеку свободу морального выбора, и человек с самого начала выполнил Его условие, сделав выбор между добром и злом. Когда человек выбирает зло, он тем самым не противоречит верховной власти Бога, а, наоборот, исполняет волю Бога, поскольку вечный указ Бога не предписывает человеку, какой конкретно выбор сделать, но утверждает, что человек свободен делать этот выбор. Если в Своей абсолютной свободе Бог захотел бы дать человеку ограниченную свободу, кто «мог бы противиться руке Его и сказать: «что Ты сделал?»» (Дан. 4:32). Воля человека свободна, потому что Бог обладает верховной властью. Если бы у Бога не было верховной власти, он не мог бы дать моральную свободу Своим творениям. Он побоялся бы сделать это.

Может быть, понять это нам поможет пример из повседневной жизни. Океанский лайнер отправляется из Нью-Йорка в Ливерпуль. Пункт назначения определен ответственными за это людьми. Ничто не может изменить его. Это дает некое отдаленное представление о верховной власти.

На борту лайнера находятся несколько десятков пассажиров. Они не в цепях, и их действия не ограничиваются никаким указом. Они полностью свободны и могут передвигаться как хотят. Они едят, спят, играют, прогуливаются по палубе, читают, разговаривают, как им хочется; и в то же время большой лайнер везет их все дальше к пункту назначения.

Здесь присутствуют и свобода, и верховная власть, и они не противоречат друг другу. Точно так же, я думаю, обстоит дело со свободой человека и верховной властью Бога. Гигантский лайнер Божьего царственного плана мчится вперед к пункту своего назначения по морю истории. Бог беспрепятственно движется к тем вечным целям, которые Он определил во Христе Иисусе еще до сотворения мира. Мы не знаем всех этих целей, но достаточно многое уже открыто нам для того, чтобы дать нам общее представление о том, что будет, добрую надежду на будущее благополучие и твердую уверенность в нем.

Мы знаем, что Бог исполнит каждое обещание, которое Он дал пророкам; мы знаем, что грешники когда-то будут удалены с земли; мы знаем, что те, чьи грехи искуплены, будут в радости Бога и что праведные будут сиять в царстве Своего Отца; мы знаем, что достоинства Бога получают всеобщее одобрение, что все творение, обладающее разумом, признает Господа Иисуса Христа к славе Бога-Отца, что с нынешним несовершенным порядком будет покончено и что новые небеса и новая земля установятся навечно.

Ко всему этому Бог идет с бесконечной мудростью и совершенной точностью действий. Никто не может уговорить Его отказаться от Своих целей; ничто не может отвлечь Его от Его планов. Поскольку Он знает все, не может быть непредвиденных обстоятельств, не может быть несчастных случаев. Поскольку Он обладает верховной властью, не может быть ни контрприказов, ни разногласий среди руководства; а поскольку Он всемогущ, у Него достаточно власти для того, чтобы достичь тех целей, которые Он наметил. Во всем этом у Бога нет недостатка, и все это Он имеет независимо ни от кого.

А пока не все так гладко, как может показаться при взгляде на это краткое описание. Тайна зла уже действует. В широкой сфере Божьей царственной, но снисходительной воли смертельная схватка между добром и злом продолжается и становится все яростнее. Богу еще придется прокладывать Свой путь среди урагана и бури, но эта буря и этот ураган только здесь, в этом мире, и, будучи ответственными существами, мы должны сделать свой выбор в нынешней моральной ситуации.

Открытый секрет

Если посмотреть на это в масштабах вечности, то на сегодняшний день нужнее всего, чтобы Церковь вернули из долгого вавилонского плена и чтобы имя Бога снова прославляли в ней, как прежде. Но мы не должны думать о Церкви как о некоей безличной структуре, как о мистической религиозной абстракции. Мы, христиане, — это Церковь, и то, что мы делаем, делает Церковь. Следовательно, это личное дело каждого из нас. В Церкви каждый шаг вперед должен начинаться с отдельного конкретного человека.

Что могут сделать простые христиане, чтобы вернуть ушедшую славу? Есть ли тут какой-то секрет, который мы можем узнать? Есть ли какая-то формула личного возрождения, которую мы могли бы применить в сегодняшней ситуации, в нашей собственной ситуации? Ответ на этот вопрос — *да*.

И все же этот ответ вполне может разочаровать некоторых людей, потому что он совсем не сложен. Я не привожу ни тайной криптограммы, ни мистического кода, который с трудом можно расшифровать. Я не обращаюсь ни к какому-то скрытому закону подсознания, ни к оккультному знанию, рассчитанному лишь на немногих. Этот секрет открыт, и любой, кто в этом заинтересован, может прочесть его. Это просто старый и вечно новый совет: *познакомься с Богом*. Чтобы вернуть утраченное могущество. Церковь должна видеть небеса открытыми, и перед ней предстанет видение Бога, которое преобразует ее.

Но Бог, Которого мы должны увидеть, это не Тот утилитарный Бог, Который так популярен сегодня. Который привлекает к Себе внимание людей лишь Своей способностью принести успех их различным начинаниям и Которому по этой причине угождает и льстит каждый, кто хочет что-то получить. Бог, Которого мы должны узнать, — это Величие в небесах, Бог-Отец, Вседержитель, Создатель небес и земли, единственный мудрый Бог, Спаситель наш. Тот, Кто восседает на орбите земли, Кто раздвигает небеса, как занавес, и разворачивает их, как шатер, чтобы обитать в них, Кто знает счет сонмам сияющих, как звезды, ангелов и Кто всех их называет по именам благодаря Своему могуществу. Кто видит, что дела человеческие — тщеславие. Кто не доверяет князьям и не спрашивает совета у царей.

Знания о таком существе нельзя получить только путем изучения. Эти знания приходят через мудрость, о которой естественный человек ничего не знает, да и не может знать, потому что она осознается только духом. Знать Бога — это одновременно и самое легкое, и самое трудное, что есть в мире. Это легко, потому что знание получают не путем тяжелого умственного труда, а просто и свободно. Подобно тому как солнечный свет освещает открытое поле, знание о святом Боге дается людям как дар, если они открыты, чтобы получить его. Но это знание дается с трудом, потому что есть определенные условия, которые нужно при этом соблюдать, а упрямая натура падшего человека противится этим условиям.

Позвольте мне кратко изложить эти условия — те, о которых учит Библия и которые повторяли на протяжении столетий святейшие и праведнейшие из всех святых, которых когда-либо знал мир.

Во-первых, мы должны отказаться от своих грехов. Вера в то, что святой Бог не может быть познан людьми, ведущими неправедную жизнь, не является чем-то новым,

характерным только для христианства. В древнееврейской книге *Премудрости Соломона*, написанной за много лет до христианства, есть такой фрагмент: «Любите праведность, судьи земли, право мыслите о Господе и в простоте сердца ищите Его, ибо Он обретается неискушающими Его и является не неверующим Ему. Ибо неправые умствования отдаляют от Бога, и испытание силы Его обличит безумных. В лукавую душу не войдет премудрость и не будет обитать в теле, порабощенном греху, ибо Святой Дух премудрости удалится от лукавства, и уклонится от неразумных умствований, и устыдится приближающейся неправды» (1:1-5).

Та же мысль неоднократно звучит в написанном по Божьему вдохновению Священном Писании; и, пожалуй, наиболее известными являются слова Христа: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Во-вторых, нужно полностью посвятить всю свою жизнь Христу в вере. «Верить в Христа» — значит иметь волевою и эмоциональную привязанность к Нему и вместе с тем твердое решение повиноваться Ему во всем. Для этого необходимо, чтобы мы соблюдали Его заповеди, несли свой крест, любили Бога и людей.

В-третьих, мы должны посмотреть на себя как на людей, умерших для греха и живых для Бога во Христе Иисусе, а затем открыть настежь нашу душу, чтобы в нее вошел Святой Дух. Далее, мы должны подчиняться той самодисциплине, которая необходима для того, чтобы быть в Духе, и попирать ногами наши вожелания плоти.

В-четвертых, мы должны смело отказаться от дешевых ценностей падшего мира, полностью обособиться в духе от всего, к чему стремятся сердца неверующих людей, и позволять себе только простейшие естественные удовольствия, которые Бог даровал и праведным, и неправедным.

В-пятых, мы должны применять на практике искусство долгого и исполненного любви размышления о величии Бога. Для этого потребуются некоторые усилия, ибо представление о величии у людей полностью исчезло. Сейчас интересы человека сосредоточены на нем самом. Гуманизм в своих различных формах вытеснил богословие, став вместо него ключом к пониманию жизни. Когда в XIX веке поэт Суинберн написал: «Слава человеку в вышних! ибо человек — хозяин вещей», он дал современному миру новый вариант молитвы «Тебя, Бога, славим». Все это надо поставить в прежнее положение целенаправленным действием воли и держать в таком положении усилием ума, исполненным терпения.

Бог — Личность, с Ним можно знакомиться все ближе и ближе, подготавливая сердца к чуду. Может быть, нам придется поменять нашу привычную веру в Бога, по мере того как слава, покрывающая золотом Священное Писание, подобно восходящему солнцу, будет подниматься над нашей внутренней жизнью. Может быть, нам также необходимо будет спокойно и с достоинством отойти от безжизненного буквализма, доминирующего в евангелических церквях, и протестовать против легкомысленности многого из того, что считается среди нас христианством. Может быть, в результате этого мы на какое-то время потеряем друзей и прослышем «святошами»; но человек, который в таком важном деле страшится неприятных последствий, недостоин Царства Божьего.

В-шестых, по мере того как знания о Боге становятся все более чудесными, обязательным для нас становится все большее служение другим людям. Благословенные знания даются не для того, чтобы мы эгоистично наслаждались ими. Чем совершеннее наши знания о Боге, тем сильнее становится желание преобразовать эти только что приобретенные знания в дела милосердия по отношению к страждущему человечеству. Бог, Который дал все нам, будет продолжать давать все *через* нас, по мере того как мы будем лучше узнавать Его.

До сих пор мы рассматривали личное отношение человека к Богу, но подобно притиранию на правой руке человека, которое своим благоуханием «выдает себя», любое углубленное знание о Боге вскоре начнет воздействовать на тех, кто окружает нас в христианском сообществе. И мы должны стремиться к тому, чтобы разделить тот свет, который возрастает в нас, с другими членами Божьей семьи.

Это мы сможем сделать лучше всего, если будем постоянно сосредоточиваться на величии Бога, служа Ему в присутствии других людей. Не только наши личные молитвы должны быть наполнены Богом, но и наше свидетельство, наше пение, наши проповеди и то, что мы пишем, — все это должно концентрироваться вокруг личности нашего святого, святого Господа, и мы должны постоянно превозносить величие Его, достоинства и могущество. На небесах, по правую руку Великого, во славе восседает Человек, с верностью представляя там наши интересы. Мы оставлены среди людей на недолгий срок; давайте же будем верными Его представителями здесь.

Содержание

От автора.....	3
1. Почему мы должны правильно думать о Боге.....	7
2. Непостижимый Бог.....	13
3. Божественные атрибуты: некоторые истины о Боге.....	21
4. Святая Троица.....	27
5. Самодостаточность Бога.....	37
6. Независимость Бога.....	47
7. Вечность Бога.....	55
8. Бесконечность Бога.....	61
9. Неизменность Бога.....	69
10. Божественное всеведение.....	77
11. Мудрость Бога.....	83
12. Всомогущество Бога.....	91
13. Трансцендентность Бога.....	97
14. Вездесущность Бога.....	103
15. Верность Бога.....	109
16. Доброта Бога.....	113
17. Справедливость Бога.....	117
18. Милосердие Бога.....	123
19. Благодать Бога.....	127
20. Любовь Бога.....	133
21. Святость Бога.....	141
22. Верховная власть Бога.....	147
23. Открытый секрет.....	155

Э. У. Тозер
«ВЕЛИЧИЕ БОГА»

Отв. редактор *Р. Ореховатская*
Перевод *Е. Широковой*
Корректор *Д. Вдовин*
Художник *С. Конторович*
Верстка *Г. Владимировой*

Издательство «Мирт»
197198, Россия, Санкт-Петербург, а/я 333.

Тел. (812) 233-50-12
Тел./факс (812) 235-64-40
E-mail: mirtbook@neva.spb.ru
<http://www.neva.spb.ru/miirtr>

ЛР № 030632 от 28.02.95 г.
Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 5
Тираж 3000 экз. Заказ 284

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12